

Светлана
АЛЕШИНА

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА в четверг

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

**После дождичка в
четверг (сборник)**

«Научная книга»

2002

Алешина С.

После дождичка в четверг (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (Папарацци)

«Везет» же некоторым: в кои-то веки выберутся две работающие девушки на пляж и найдут... труп. А потом, когда прибудет вызванный ими наряд милиции, он возьмет да и исчезнет без следа. Сам, что ли, запрыгнул в проезжавшую мимо машину? Как теперь объяснить правоохранительным органам, что труп не померещился! Ладно, от обвинения в злонамеренной шутке отвертелись, можно и успокоиться. Но... девушки-то эти не кто-нибудь, а журналистки, да еще из газеты «Свидетель». И, конечно же, главный редактор еженедельника Ольга Бойкова, распутавшая не одно преступление, пойдет по следу темно-синей «Ауди». Только вот куда этот след заведет?..

Содержание

После дождичка в четверг	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Светлана Алешина

После дождичка в четверг (сборник)

После дождичка в четверг

Глава 1

– Сказать, чем лето лучше зимы? – спросила меня Маринка, усаживаясь на стул для посетителей. – Запросто скажу. Летом не только не хочется работать, но и есть возможность это нежелание конвертировать в...

– Какое слово ты употребила? – Я подняла голову от своего ежедневника, раскрытого на четверге, сегодняшнем дне то есть, и с любопытством взглянула на секретаршу.

– Конвертировать! – смело повторила Маринка. – Могу продиктовать по слогам, если ты не поняла и со второго раза.

– Я поняла, – ответила я и решила не спорить. Если на Маринку находит, то лучше с ней не связываться по мелочам. Потом не будешь знать как развязаться.

Я взглянула на настенные часы. Они показывали половину третьего. Рабочий день заканчивается, и, похоже, у Маринки есть идея, чем занять наступающий вечер. Я снова заглянула в ежедневник и вычеркнула последний записанный в нем пункт. Практически все запланированное на сегодня уже было сделано. Осталась так, всякая ерунда.

– Ну и хорошо, что поняла, – сказала Маринка. – Так вот, я продолжаю. Летом можно не только позволить себе не хотеть работать, но и найти дело гораздо интереснее и содержательнее. И если посмотреть с точки зрения продолжительности жизни, молодости, юности, ну и всего прочего, то, наверное...

– Давай короче. – Было ясно, что работать мне не дадут, я отложила в сторону ежедневник и напрямую спросила: – Ты что хочешь?

– Я хочу на пляж, – призналась Маринка. – Пойдем, а? Ну ее к лешему, эту редакцию и...

– И этого редактора? – закончила за нее я. – Мерси.

– Ну я же так не сказала! – весело возмутилась Маринка. – К тому же этого редактора я сейчас зову с собой. И поступаю очень благородно.

– В чем же кроется благородство? – Я вспомнила, что вчера искала дома купальник и не нашла его, поэтому решила идею пляжа не поддерживать.

– Да в моем же предложении! Я запросто могла бы взять больничный листик, бюллетень то есть, и сейчас спокойно валяться на песочке и наслаждаться жизнью. Но я так не поступила и зову тебя. Пошли, а? Скучно же!

Я задумчиво посмотрела в окно. Пляж был идеей очень хорошей, и я сама собиралась предложить Маринке сходить на реку, но меня смущал не только спрятавшийся неведомо куда купальник. Смущало еще и небо. Небо, быстро затягивающееся облаками очень нехорошего сизого цвета. Да и ветер на улице начал усиливаться. Маринку, как всегда, обуюла идея, мало подходящая к реальности.

– Не вовремя у тебя возникла эта светлая мысль, – сказала я, – вот если бы вчера...

– Почему опять не вовремя? – удивилась Маринка. – Работой мы сейчас не загружены, можно сказать даже, что баклуши бьем. Или околачиваем. Не помню, как точно, да это и не важно. Ну почему бы не сходить на пляж? Пошли, Оль, а то так и закиснем в этих стенах.

– И на этих стульях, – закончила я.

– И на этих стульях, – подтвердила Маринка, понимая, что я начинаю понемногу сдаваться. – Так идем?

– Да ты на погоду посмотри! – не выдержала я. – Высунь нос в окошко: сейчас как ливает, так и смоем сразу с пляжа.

Маринка, вытаращив глаза, посмотрела на меня. По-видимому, смысл моих слов до нее не доходил. Моргнув несколько раз и решив, наверное, что начинать на меня обижаться рановато, она на самом деле подошла к окну.

– Как хорошо, – проговорила Маринка возмутительно приподнятым тоном, глядя в теряющее синеву небо, – и нежарко. А вода все равно будет теплой. Не остынет же она от этих нескольких облачков?

Услышав про облачка, я не выдержала, соскочила с кресла и тоже подошла к окну.

– Ну, ничего себе «облачка»! – сказала я. – Да ты посмотри внимательно: сейчас как зарядит, так и забудешь про все свои пляжные поползновения! Вчера нужно было предлагать или завтра предложишь, а сейчас займись чем-нибудь.

– Боже мой. – Маринка, наверное, очень хотела повертеть пальцем у виска, да сдержалась, и правильно сделала, между прочим. – Облачка ей помешали. Облачка! Помешали!

Она жалостливо посмотрела на меня, словно намекая, что у меня такая умственная слабость, что даже объявлять мне об этом не стоит, и предложила, быстренько перестроившись:

– Тогда пошли погуляем! Даже если и упадет три капли с неба, мы это время пересидим в кафешке или под деревом постоим. Ну какого черта нам здесь торчать, если все равно ничего путного уже не сделаем? Дела переделаны и на завтра, и на послезавтра!

Я задумалась.

А действительно! Сергей Иванович – в отпуске, Ромка – на каникулах. Работы по причине летнего времени немного, потому что летом, как я замечала уже не раз и не два, город словно вымирает и люди куда-то рассасываются. Они никуда не деваются, конечно, но активность читательская и активность криминальная падает до размеров просто свинских, если так можно сказать. Ну, я думаю, что в данном случае можно, потому что моя работа и состоит в констатации и расследовании всяких криминалов и доведении результатов этих расследований до читателей. Одним словом, если не быть многословной, летом работы заметно меньше, чем в любой другой сезон.

– Ну что, надумала? Или мне зайти через часик? – с неприличным таки ехидством спросила меня Маринка.

– Надумала, – сердито ответила я. – Только у меня есть один вопрос, не знаю, как ты к нему отнесешься...

– Ты про купальники? – практично спросила Маринка.

– Кстати, да! – воскликнула я. – Насчет купальников...

– Ну это мы просто съездим на тебе и возьмем их, – Маринка пожала плечами, – не вижу сложностей.

– Не «на мне съездим», а на моей машине, – довольно-таки сварливо проговорила я.

– Это одно и то же, – отмахнулась Маринка. – А какой вопрос у тебя был?

– Как нам быть с Виктором? Брать его с собой или не стоит?

– Не знаю даже... – Маринка задумалась или только притворилась, что сделала это. – Если он захочет, то почему и не взять, а если не захочет, то можно и не брать. А что, ты без бодигарда уже считаешь неприличным и на улицу выходить? Ну вы покрутели, девушка, просто слов нет!

Я промолчала и задумалась. Хотя Маринка была права в основном: а что думать-то? Ехать нужно!

Я вызвала по селектору Виктора и предложила ему на выбор два варианта: либо он уходит с работы и едет с двумя девушками на пляж или куда получится, если погода все-таки возьмет да и подведет, либо идет куда хочет.

Виктор от пляжа и девушек отказался. Не мне его судить за такое легкомыслие. Вполне возможно, что мы с Маринкой уже порядком ему поднадоели. Я имею в виду не только за сегодняшний день, а вообще.

Короче, мы быстренько собрались и покинули редакционное помещение.

Моя «ладушка», уже неоднократно латанная и отремонтированная после всех передрыг, в которые ей доводилось попадать вместе со своей хозяйкой, все еще исправно бегала, и мы сперва доехали на ней до Маринкиного дома на Советской. Маринка свой купальник нашла достаточно быстро – и одного часа не прошло, ну а потом мы отправились ко мне. Мой дом находится от редакции гораздо дальше, чем Маринкин, и времени для поездки к нему пришлось потратить в два раза больше, чем до Маринкиного дома, однако, если суммировать потраченное время, то на поиски моего купальника его ушло гораздо меньше. А все почему? Да просто вещи нужно класть на место, чтобы потом можно было найти их сразу. Главная заковырка в том, чтобы вспомнить, где это место находится.

Но это я сказала не для того, чтобы как-то особенно осудить Маринку, а так, к слову.

Ну, в общем, двух часов не прошло, то есть времечко приблизилось к самому, что называется, пеклу, как мы оказались во всеоружии для визита на пляж. Я высунула нос из окна своей «Лады», вдохнула горячий воздух и снова посмотрела на небо. Оно упорно затягивалось тучами.

– Ничего у нас не получится, – убежденно сказала я, нажимая на педаль и трогая «Ладу» с места.

– Давай сперва приедем, а там видно будет, – сказала Маринка, – чем-то это должно все-таки кончиться. Или тучи разбегутся, и мы ухватим немного загара, или тучи никуда не денутся, и тогда мы не будем страдать от жары.

– Ненавижу твою диалектику, – проворчала я и поехала по направлению к набережной.

Маринка всю дорогу трещала о какой-то ерунде, я с удовольствием поддерживала ее болтовню, и мы быстро и без происшествий добрались до места назначения.

Теперь встала проблема, какой пляж выбрать. Их у нас в городе несколько, и каждый со своей фенечкой. Например, основной пляж, так называемый «городской», расположен на острове, и добраться к нему можно двумя путями: спуститься с моста по особой аппендиксоподобной лестнице или доплыть на чем-нибудь плавучем. Мне лично городской пляж не нравился постоянным скоплением на нем народа. Да и с тенью или с укрытием от дождя, смотря по погоде, на этом пляже были проблемы. Три кустика и пяток кривоватых деревьев под понятие «укрытие» явно не подходили.

Есть у нас еще один пляж – частный, престижный, дорогой, но почему-то там запрещено купаться. Даже объявление соответствующее висит. Не знаю, кто с кем и чего не поделил или кто кому чего-то недоплатил, но что это за пляж, если нет допуска к воде?

Все остальные пляжи по традиции носят названия «диких», но вот они-то по атмосфере, уюту и обстановке как раз и являются самыми человеческими.

Доехав до моста через Волгу, мы свернули налево, миновали частный пляж, который, по существу, и не пляж вовсе, а естественный, но платный солярий – звучит, кстати, очень ненатурально: «естественный, но платный»! – и, проехав еще приблизительно с километр, добрались до второго дикого пляжа. Первый нам сегодня не понравился из-за большого количества народа на нем, ну а следующий пришелся в самый раз.

Я зарулила на стоянку, и только мы с Маринкой собрались выходить, как начался ливень. Резко усилился ветер, крупные капли забарабанили по асфальту, деревьям и по нам, несчастным, то есть по крыше и стеклам машины.

– Ну вот, – только и сказала я, закуривая.

– Ну и что? – моментально отреагировала Маринка. – И что такого-то? Зато надышимся озоном под самую завязку. Открывай свою форточку и прекращай портить атмосферу!

– Не могу открыть, ветер как раз в мою сторону, я вся буду мокрая, – хмуро отозвалась я.

Маринка, с видом умудренного метеознатока, сощурилась и пристально посмотрела на небо, вертя головой в разные стороны, потом обратила взоры на пляж.

– Дождь скоро кончится, – объявила она тоном сивиллы и даже зачем-то прищелкнула пальцами несколько раз.

– «Скоро» – ты имеешь в виду в историческом измерении времени? – уточнила я.

– Да нет же, прямо сейчас. Смотри – небо уже светлеет.

Ливень на самом деле прекратился внезапно и скоро. Благодаря тому, что мы не успели выйти из машины, мы остались сухими, а вот граждане, уже отдохавшие, испугались дождя при первых его каплях, быстренько собрали свои вещички и свалили с берега. Так и получилось, что, кроме нас с Маринкой, на всем пляжном пространстве не осталось больше никого.

– Вот! – удовлетворенно произнесла Маринка, выходя из «Лады» и радостно шурясь на свет божий. – Полный кайф: народу нет, Волга есть! О чем еще мечтать?

Я могла бы ей предоставить целый список того, о чем в нашей жизни можно было бы помечтать, но не стала этого делать. Зачем лишний раз себя расстраивать?

Мы действительно неплохо устроились на пустынном пляже, и все было здорово, пока из-за ближайшего к нам острова не вывернула моторная лодка и не пристала буквально в пяти-шести шагах от нашего полотенца, расстеленного на песочке. Среднего роста парень, слабо загорелый, одетый в одни только шорты, широкополую панаму и в темные очки, разложил перед собой инструмент и начал копошиться в моторе.

Тонкая струйка бензина – или керосина, я не разбираюсь, – потекла с борта лодки в воду, и вскоре течение начало ее подталкивать как раз к нам с Маринкой. На все замечания молодой человек бубнил какие-то глупости вроде того, что здесь пляжа нет, якобы он расположен под мостом, и отказывался отплывать в сторону. Отдых получался подпорченным в буквальном смысле. Хотя, с другой стороны, мы уже и так достаточно накупались.

Потом парень ушел, оставив свою лодку с вытекающей из нее радужной жидкостью, мы перебазировались правее, но обе уже понимали, что пора закругляться.

– Ну как, не жалеешь? – спросила меня Маринка, вытираясь полотенцем.

– Все отлично, – призналась я.

– Еще не все! – Маринка сделала загадочное лицо, и я поняла, что вот-вот на меня рухнет еще одна сногшибательная идея.

Так оно и получилось. Маринке загорелось продлить отдых и увенчать наш пляжно-купальный день еще и легким ужином в кафе.

Неплохая была идея, да только не все происходит так, как планируется вначале.

Мы накинули на себя одежду и побрели обратно, решив срезать угол и пройти к стоянке, на которой я оставила «Ладу», не по дороге, а по прямой – через березово-смородиновые заросли, образующие как бы зеленый островок на «берегу» поселка частных домов и служащие местным жителям частично как свалка, частично как место для незамысловатых пикников.

День был будний, так что мы смело направились к этим зарослям, надеясь, что никого не встретим в них. Под занавес не хотелось бы портить настроение лицезрением каких-нибудь алконавтов, мешающих пиво с водкой и чистый русский мат с перлами местного диалекта.

Когда мы подошли к первым деревьям, по дороге мимо нас быстро проехала темно-синяя «Ауди», обдав Маринку грязью из свежей лужи. Водитель даже не остановился, хотя не заметить совершенного не мог. Вот ведь скотина какая!

Маринка, зайдя за ближайшее же дерево, тщательно отряхнула запачканное платье и, гордо задрав нос, пошла в глубь зарослей, стремясь быстрее выйти на противоположную их сторону. Я – за ней.

Через несколько шагов Маринка, пару раз споткнувшись о торчащие из земли корни, замедлила шаг и подождала меня.

– Он же видел, что мы идем! – несколько запоздало начала возмущаться она.

– Ну видел, – успокаивающе ответила я. – Это был просто хам. Выбрось его из головы, сейчас добредем до машины и поедem в кафе.

– Я, кажется, запомнила номер, – пробормотала Маринка, продолжая идти немного впереди меня. – Триста восемьдесят один... или нет – восемьсот тридцать один. Или нет...

– Решила подать жалобу? – поинтересовалась я. – Знаешь же, что бесполезно!

– Какая жалоба?.. – Маринка так резко остановилась, что я едва не наткнулась на нее. – Я статью напишу! Такую статью, что...

– Ну, в общем, ясно, – согласилась я. – Ты, главное, под ноги смотри, а то, не ровен час, сломаешь себе шею, и тогда некому будет статью писать.

Маринка из сказанного сделала практический вывод и крепко схватила меня за руку.

Оказалось, сделала она это как раз вовремя. Потому что, миновав следующее на пути дерево, мы наткнулись на женский труп.

Неплохое продолжение отдыха, правда?

Глава 2

Правда, ни я, ни Маринка с первого взгляда не поняли, что это труп. Сперва мы заметили, что у дерева, прижавшись спиной к его стволу, сидит какая-то женщина, опустив голову на грудь. Ее длинные, каштанового цвета волосы падали на левую сторону лица. Женщина была одета в простенькое платье самой народной расцветки – в какой-то голубенький цветочек. Туфля с ее левой ноги слетела, и казалось, женщина не обратила на это никакого внимания.

А вот мне эта туфля показалась такой страшной, что... Впрочем, в ту секунду я ни о чем угрожающем даже подумать не успела. Не до того как-то было.

– Извините, – проговорила Маринка, – а вы не подскажете...

Уж не знаю, что она там собиралась спросить, да и сама Маринка, наверное, этого сейчас не вспомнит. А тогда она замолчала на полуслове, ойкнув и прижавшись ко мне: окаменелая неподвижность женщины как-то мгновенно бросилась в глаза.

– Эй! – неуверенно позвала я и осеклась.

Маринка тоже молчала. Подождав реакции от женщины и не дождавшись, мы с Маринкой, очень крепко взявшись за руки, подошли ближе.

Женщина была мертва. Сомнений не осталось, когда я разглядела слева во лбу маленькое черное отверстие. Женщину застрелили.

– Мама, – прошептала Маринка, – это же...

– Спокойно, – сказала я. – Тихо и спокойно. Не будем психовать.

– И не собиралась, – дрожащим голосом заверила меня Маринка, отпустила мою руку и отошла на шаг назад.

Я тоже не стала стоять на месте: вдруг вокруг тела есть следы, оставленные преступником или преступниками. Аккуратно отойдя тоже назад, ближе к Маринке, я вынула сотовый телефон из сумки.

– В милицию будешь звонить? – спросила меня Маринка, никак не справляющаяся с противной дрожью в голосе.

Она снова схватила меня за руку, причем вцепилась так, что остался синяк. Это я потом обнаружила.

– Ну а куда же еще? – ворчливо ответила я, пробуя освободиться от Маринкиной хватки, но добилась только того, что она вцепилась в меня еще крепче. – Сообщу, пусть приедут и делают свое дело.

Когда я набрала «ноль-два», в трубке послышались короткие гудки. Пришлось повторить. На этот раз мне ответили.

Я начала диктовать информацию так, как привыкла: четко, короткими предложениями. Но почти сразу же меня перебили и начали задавать наводящие вопросы. Пришлось рассказать все подробно и не только про труп, но и про себя, и про Маринку. Про Маринку не так подробно. В основном девушка, сидящая на телефоне, интересовалась почему-то моей скромной персоной.

Наконец длинный и, как мне показалось, почти бестолковый разговор был закончен, и нас попросили дождаться дежурной бригады.

– Мне здесь не нравится, – почти истерично выпалила Маринка, еле дождавшись окончания моего разговора и явно мечтая смыться с этого места.

– Думаешь, у меня другое мнение? – заметила я. – Теперь уже поздно убегать. Ждать нужно.

– Ну, послушай, какого тогда черта нам торчать именно здесь? Пошли к стоянке. Все равно же, когда приедут менты, мы их увидим... И они нас увидят... – Маринка потащила меня прочь от нехорошего места.

– Мне кажется, ты права, – пробормотала я, вовсе не собираясь сопротивляться: соседство с трупом мне, как и Маринке, категорически не нравилось.

– Ну еще бы!

Мы дружным быстрым шагом пошли прочь и минут через пять выбрались к стоянке.

– Лучше бы в обход пошли, – проворчала Маринка, опираясь рукой на столб и приподнимая ногу, чтобы отряхнуть испачканную туфлю.

Я тоже остановилась и закурила, посматривая по сторонам.

Маринка привела туфли в порядок и спросила, что я думаю о погоде: улучшится ли она или останется такой же, как сегодня.

Я рассеянно кивнула и промолчала, наблюдая за милицейской машиной, показавшейся в конце дороги и направившейся в нашу сторону.

– Смотри-ка, как быстро приехали, – заметила Маринка, проследив за направлением моего взгляда, – что-то у меня предчувствие нехорошее...

Я промолчала.

Милицейский «уазик» остановился напротив въезда на стоянку, и из него вышли двое сержантов, почему-то с весьма недовольными лицами. Первый, низкорослый, весь какой-то сморщенный, неприязненно покосился на нас с Маринкой и высморкался с помощью пальцев на асфальт. Второй, повыше ростом, чем первый, но тоже недомерок, задвинул форменную кепку на затылок и, осмотревшись, потопал к нам.

Когда он подошел, я, не дожидаясь вопросов, быстро сказала:

– Здравствуйте, это я звонила дежурному.

– Вы-то нам и нужны, – сказал сержант непонятную фразу и оглянулся на своего отставшего товарища. Тот подошел и начал нас с Маринкой осматривать снизу вверх, не переставая при этом морщиться, словно у него был такой специфический нервный тик.

– Ну что? – более высокий обратился к своему нервному товарищу. – Пойдем, что ли?

Тот сморщился в последний раз и только после этого процедил в нашу сторону:

– Здрасте.

Мы с Маринкой едва не рассмеялись. Не знаю, как Маринка, а я срочно достала из сумки платочек и сделала вид, что мне срочно нужно что-то с ним сделать. Пока я крутила платочек в руках, я, естественно, опустила лицо и спрятала улыбку.

Нервный сержант шмыгнул носом и, не поняв всего комизма своей весьма запоздалой реплики, произнес:

– Что ж, показывайте свою находку, девушки.

Мы повели милиционеров знакомой нам дорогой и, когда подошли почти вплотную к тому месту, где находилось, к несчастью, знакомое нам дерево, остановились.

– Вон там, – сказала я. – А можно мы дальше не пойдем?

– Можно, – сказал нервный сержант и бодро пошел вперед.

Мы с Маринкой остались стоять за деревьями, стараясь не смотреть в том направлении, куда ушли милиционеры, но, разумеется, продолжали прислушиваться. Интересно, что они говорят в таких случаях? Остаются невозмутимыми или все-таки в них тоже проявляется что-то непосредственное?

Громких разговоров я не услышала. Мне даже показалось, что сержанты ничего и не говорили между собой.

Минуты не прошло, как сзади нас послышались шаги, и нервный сержант, морщась еще больше прежнего, выскочил из зарослей и встал перед нами с Маринкой.

– Ну, так где же ваш улов? – глотая окончания слов, спросил он.

– Около дерева, – ответила Маринка, показывая пальцем.

– Какого дерева? – сержант задержал шеей и свирепо завращал глазками. – Какого еще дерева?

– Ну там, недалеко. Вы что, не видите, что ли? – не выдержала я. – Или вам необходимо, чтобы мы снова смотрели на этот ужас?

Сержант озадаченно посмотрел на меня, и тут у него из-за спины показался его напарник.

– Что-то не видать ничего, девушки, – более миролюбиво сказал он, – покажите, пожалуйста.

– Иди покажи, – сказала я Маринке, – теперь мне нужно туфли почистить. Грязные, как не скажу что...

– Почему я? – Маринка вытаращила глаза и отступила от меня к дороге. – Не пойду, даже не уговаривай! Не пойду! Почему я?! Кто из нас главный редактор?

Упоминание о распределении должностей в газете здесь было совершенно неуместным, но мне ничего не оставалось, как смириться с ситуацией и молча пойти с сержантами к труп.

Вот так: все я и всегда я. Заранее приготовившись увидеть труп, показать его и тут же отвернуться, я вышла на полянку, глянула на дерево, у которого сидела «наша» женщина, и... А вот трупа-то и не было!

Я быстро осмотрелась по сторонам. Дерево – то же самое, полянка – та же самая... Я снова посмотрела туда, где мы нашли труп, и все равно его не увидела. Вот так фокус!

– Марин! – позвала я. – А ее тут нет...

Сержанты, профессионально вставшие слева и справа от меня, набычились и начальственно засопели.

– Смеешься? – отозвалась Маринка и предупредила: – Все равно не пойду!

– Ну правда же нет! – крикнула я. – Ты уверена, что мы тут ее видели?

– Уверена! – заявила Маринка, не выдержала и осторожно пошла к нам.

Она шла с таким напряженным видом, словно была готова при первой же опасности развернуться и так быстро припуститься бежать, что догнать ее не смогла бы ни одна машина с мигалкой.

Сержанты молчали.

Маринка осмотрелась на полянке, повернулась ко мне и произнесла несомненную истину:

– Точно нет.

Тут наконец, выдержав достойную паузу, зашевелились наши сержанты. Нервный зачесался и, подергивая себя пальцами за ухо, не то подозрительно, не то угрожающе пробурчал:

– Девчонки, если вы пошутили, то вам это выйдет боком.

– И хорошо, что не раком, – добавил второй и настороженно покосился на своего товарища.

Тот утвердительно кивнул.

– Так шутить будете не с нами, – гордо заявила Маринка. – У нас, слава богу, репутация известная.

– Это какая же? – хмуро проворчал старший из этой служебной парочки и потянул из кармашка рацию. Вытащив ее, он нажал на кнопку и забубнил в нее что-то про шутниц и прочие глупости.

– Придется ехать с нами, девушки, – сказал он, закончив разговор, – за подобные шутки юмора положено административное наказание и...

– Да уж, – энергично поддержал его второй и протянул свои лапы к Маринке.

Маринка с визгом отпрыгнула в сторону, едва не поскользнувшись на лежащей ветке, и отпрыгнула еще дальше.

– Не убежите, – пообещал ей старший наряда, глядя на Маринкины прыжки по поляне. – А вас я предупреждаю, – он повернулся ко мне, – за сопротивление при задержании есть особая статья. Я напишу докладную, и вам еще припаяют. Ясно?

– Ну, это мы еще посмотрим, – проворчала я и достала из сумки свой сотовый.

– Фиме будешь звонить? – крикнула мне Маринка. – Правильно! Ну что за жизнь пошла! Порядочному человеку нельзя даже попробовать помочь милиции: сразу же возникают трудности, неприятности...

– Ага, геморрой то есть, – согласился сержант. – Ну, в общем, ясно все. Пойдемте, девушки.

– Минутку, – попросила я и набрала выученный уже наизусть номер рабочего телефона майора Здоренко.

Если он сейчас не придет нам на помощь своим авторитетом и криком, то я даже не знаю, кто нам поможет. Но майора на месте не оказалось, и тогда я достала еще и записную книжку.

– Что, не оказалось заступника на месте? – заулыбался нервный сержант, до этого замерший в напряжении, – неизвестно же, кому и куда я звоню. – Ну пойдемте, пойдемте. По дороге в отдел и позвоните.

Однако я уже нашла то, что было нужно, – номер личного сотовика майора и быстро набрала его.

– Здоренко! – услышала я резкий рык и даже отстранила трубку. – Алло! Кто это?

– Товарищ майор, это Бойкова! – крикнула я.

– Да ну! И что тебе? Куда вляпалась? – не меняя интонаций, проорал майор Здоренко.

– Меня хотят забрать в отделение якобы за шутливый вызов наряда. Но никакой шутки не было, клянусь вам! – быстро прокричала я, отклоняясь от приблизившихся ко мне обоих сержантов.

Не знаю, чего они хотели, может быть, просто подать мне руку и помочь дойти до машины, но, отклоняясь, я потеряла равновесие и упала прямо... ну, в общем, села на землю.

– А-а-а! – заорала с другой стороны полянки Маринка. – Хулиганы! Убивают! Милиция, на помощь!

Самое смешное то, что оба милиционера, услышав вопль Маринки, резко подались назад. Они остановились и переглянулись. И наверное, вспомнили, что милиция – это как раз они и есть, и действительно подали мне руки.

– Ну хватит орать-то, – попросил меня высокий сержант, – мы же по-хорошему...

– Не понял, – рывкнул мне в ухо майор Здоренко. – Что там у тебя, Бойкова? Давай сначала!

Я все и рассказала. Оба сержанта, услышав мое обращение к неизвестному собеседнику по званию, помогли мне подняться и больше не предпринимали ничего, решив, видимо, пока подождать и посмотреть, что будет дальше.

– За такие дела не штрафовать надо, а срок давать, и приличный! – орал майор Здоренко на меня. – Шутки нашла, твою мать!

– Да не шутила я! – крики майора меня завели, и я тоже начала кричать. – Что я, с ума сошла, что ли?

– Ну, может, и не сошла, – неожиданно спокойно произнес майор Здоренко. Верна, значит, оказывается, пословица «выбивай клин клином». Мой клин, то бишь крик, сработал, как видно. – А ты не пьяная, Бойкова?

– Товарищ майор! – возмутилась я.

– Ну ладно, – оторавшись, майор впал в более миролюбивое настроение, – дай-ка мне кого-нибудь там из этих пэпээсников.

Я протянула телефон старшему наряда, он осторожно взял его и, кивая, как китайский болванчик, начал приговаривать:

– Так точно... так точно... так точно...

Маринка, видя, что положение меняется в более благоприятную для нас сторону, осторожно подошла поближе.

Я смотрела на сержанта и думала о том, что если бы какая-нибудь фирма стала выпускать часы с кукушкой, говорящей вместо «ку-ку» – «так точно», то этот сувенир очень быстро стал бы популярным. Особенно у милиционеров.

Сержант, закончив разговор, протянул трубку мне. Я приложила ее к уху и услышала только короткие гудки. Тогда, выключив телефон, я вопросительно взглянула на сержанта.

– Сейчас подъедет, – недовольно проворчал он. – Пойдемте к машине.

– Без конвоя! – заявила Маринка.

Сержанты промолчали, и мы тронулись с места. Может быть, мы и шли без конвоя, но тогда не знаю, что называется конвоем: мы с Маринкой шагали впереди, надежно держась за руки, а два милиционера со всеми своими служебными причиндалами двигались сзади. Если два сержанта с дубинками, пистолетами, рациями, фуражками и портупеями – это не конвой, то что же тогда конвой?

Мы вышли на дорогу и встали на приличном расстоянии друг от друга: сержанты около раскрытой дверцы автомобиля, а мы с Маринкой – около кормы той же машины.

При этом обе наши группы старательно делали вид, что существуют отдельно друг от друга.

Прошло около пятнадцати минут, я уже успела сто раз пожалеть, что уступила Маринкиным домоганиям и согласилась поехать на пляж, как будто нельзя было отложить эту поездку на завтра. Однако, как только я решила начать высказывать Маринке все мои замечания, она толкнула меня в бок и кивнула на дорогу:

– Он, что ли?

К нам приближалась черная «Волга», идущая на большой скорости.

«Волга» резко затормозила рядом с нами, распахнулась передняя правая дверца, и из нее, недовольно шурясь на белый свет, выгрузился майор Здоренко.

– Ну что, Бойкова, опять идея и опять находка? Только находка взяла и свалила, да? – брюзгливо закричал он, подходя ближе.

Оба сержанта вытянулись, став даже повыше ростом, и шагнули к майору. Тот махнул им рукой, потом поздоровался и повернулся к нам.

– Получается, так, – сказала я, – труп ушел.

Маринка вообще промолчала.

Майор Здоренко повернулся к заволновавшимся сержантам и выслушал их доклад.

– Ну что ж, пойдемте, – сказал он нам и сделал жест рукой, показывая, что мне нужно идти первой.

Ну я и пошла.

Снова, уже в третий раз за последний час, мы прибыли на ту же полянку, теперь уже, так сказать, в расширенном составе.

Трупа не было.

Майор Здоренко, кряхтя и шепотом матерясь, понагибался несколько раз над разными мелкими железками и веточками, в изобилии набросанными вокруг «нашего» дерева. Не знаю уж, с какими результатами. Потом он еще и еще раз расспросил нас с Маринкой, как был расположен труп, снова поковырял носком ботинка в земле и отряхнул руки.

– Ну все, Бойкова, – сказал он, – поехали отсюда к чертовой матери.

– И вы мне не верите, товарищ майор! – потерянно откликнулась я. – Но ведь на самом деле...

– Марш отсюда! – рявкнул майор, не давая мне даже договорить. – К машине! – проорал он, свирепо вращая глазами, и ткнул пальцем в сторону дороги.

Мы с Маринкой переглянулись и решили не связываться. Молча дошли до милицейской машины, и только тут я решилась что-то сказать.

– Моя машина стоит здесь, – робко произнесла я, – на стоянке.

– Не добила ее еще? – спросил майор Здоренко и неожиданно зафыркал, что нужно было воспринимать за добродушный смех. – Ну ладно, ладно, не кривись. Пошли в мою, там поговорим.

Майор повернулся к сержантам и пожелал им счастливо продолжить дежурство. Как я поняла, это было все то же послание к чертовой матери, но высказанное максимально корректно на службистском жаргоне.

Сержанты приложились пальцами к козырькам и ушли, наверное, радуясь, что отделались от майора так дешево. А вот мы с Маринкой порадоваться не могли.

Майор Здоренко посадил нас на заднее сиденье своей «Волги», сам развалился на переднем, бросил фуражку на переднюю панель и предложил шоферу сходить за сигаретами. Тот даже никаких вопросов не задал и сразу же удалился. По всему было заметно: парень он бывалый и тренированный. Он отошел к киоску, стоящему невдалеке от въезда на стоянку, купил там газету и начал разгадывать кроссворд.

– Товарищ майор... – начала Маринка, проследив взглядом за шофером и решив, что наступило время для душевных бесед. Но майор Здоренко сразу же пресек это поползновение.

– Молчать, Широкова! – скомандовал он и добавил: – И ты молчи, Бойкова! Обаим молчать и слушать меня!

Глава 3

– Молчим, – с готовностью покивала Маринка. Но майор сурово посопел, глядя на нее, и Маринка, потупившись, что-то еле слышно заворчала.

– Значит, так, девки! – майор Здоренко откашлялся. – Я вас знаю не один день и, к сожалению, не один месяц. Но лучше бы никогда вас не знать, проще жилось бы.

– А... – что-то попробовала возразить Маринка, но тут же напоролась на громкий рев майора.

– Молчать!

– Молчу, – быстро проговорила она.

– В общем, так. – Майор достал из пачки сигарету и принялся быстро-быстро разминать ее в своих толстых красных пальцах. – В ваши слова я верю, и своим глазам верю тоже. Что получается: был труп и вот его нет. И следов нет, и доказательств его существования тоже нет. Есть свидетельские показания из сравнительно надежного источника. Даже из двух источников. Майор бросил взгляд на Маринку, прикурил, помолчал и затем обвел нас обеих таким же колючим взглядом. Мы с Маринкой похвально молчали и новых причин поорать на нас не давали. Может быть, майора это и огорчило немного. Он угрожающе посопел и продолжил:

– Вопрос: что делать?

Здоренко снова обвел нас взглядом.

– Отвечаю: ничего, – четко заявил он. – То есть вообще! Без факта, без вещественного доказательства, то есть – без наличия трупа, никто не возьмется расследовать это дело. Нет трупа – нет убийства. Такова юридическая коллизия и следственная практика. Если бы женщина, которую вы определили как труп, была вам известна, то можно было бы попытаться провести расследование по факту пропажи человека. Но мы даже этого не можем сделать, потому что вы ее не знаете. Ваша задача: забыть обо всем и ждать. Может быть, где-то вынырнет ваш труп, вот тогда я вас вызову, и вы начнете давать показания. А пока продолжайте прежнюю жизнь. Что неясно?

– То есть вы хотите сказать, что никаких мер принимать не будете? – спросила я, не веря своим ушам.

– Абсолютно, – кивнул майор.

– Но как же так? – воскликнула Маринка. – А...

– Знаешь что, Широкова! – свирепо рывкнул майор Здоренко. – Ты что, хочешь, чтобы надо мной ржало все управление?! Будто я поверил двум бабам и начал гнать волну? Да верю я вам, верю... может быть... Но где труп? Где доказательства его существования? Вот ты, Широкова, в летающие тарелки веришь?

– Это... это в НЛЮ, что ли? – удивленно переспросила Маринка и с опаской оглянулась на меня.

Вопрос майора настолько не вязался со всем, что мы о нем знали, что заподозрить некоторый... как бы это сказать помягче... сдвиг по фазе можно было запросто.

– Ну да, наверное, – осторожно сказала Маринка, понимая, что майор ожидает ответа на свой вопрос, а с этим делом тянуть опасно.

– Наверное! – крикнул он. – Хорошо сказала! А вот есть люди, которые очень даже верят. И гонятся за ними по всей стране. Тарелок нет, а верящие в них есть. И что получается?

– Вы что?! – не выдержала я и даже подалась вперед. Мне плевать, что он такой страшный, я заподозрила, что меня хотят обидеть. И хотя еще не поняла как, но уже была готова сопротивляться. – Вы намекаете, что у нас галюники, что ли, случились?

– Ни на что я не намекаю! – майор сбавил напор и на секунду отвел глаза. – В общем, некогда мне тут с вами лясы точить. От пэпээсников я вас отмазал уже, но больше с этой ново-

стью нигде не светитесь. Останетесь в дураках. Или в дурах, не знаю, как правильно сказать. Ты, Бойкова, редактор, должна знать, как там...

Майор замял сигарету в пепельнице и махнул нам рукой:

– Пока, девки, продолжайте отдыхать. Выметайтесь!

– Ничего себе! – воскликнула Маринка. – Какой может быть отдых? Какой отдых? Да я теперь и уснуть не смогу от таких страхов! Мне теперь везде покойники будут мерещиться!

– И как это «выметайтесь»? – тихо спросила я.

А Маринка тут же озвучила мою реплику почти на максимум, придав ей немного другой смысл:

– Почему мы должны выметаться? Мы еще ничего не поняли? – крикнула она. – Я лично никуда не пойду, так и знайте!

– Подождите, товарищ майор, – поспешила разрядить атмосферу я, заметив, что шея Здоренко начинает что-то слишком резко багроветь. – Я поняла все, что вы сказали. Но вы-то нам верите, скажите честно?

– Я? – майор словно споткнулся о мой вопрос, снова достал из кармана пачку сигарет и почесал ею у себя за ухом. – Да верю, наверное. Кажется мне так... даже не знаю... – замямлил он, что производило совсем уж странное впечатление. – Ты, Бойкова, еще ни разу не попадалась на откровенном фуфле. Ну, то есть я хотел сказать – на дезде.

– Спасибо, – с достоинством поблагодарила я.

– Пожалуйста, – буркнул майор.

– Ну тогда помогите нам. Да и себе заодно. Неофициально. И никто над вами смеяться нее будет, – сказала я.

– Да! – поддержала меня Маринка.

– Это как еще? – майор нахмурился и внимательно взглянул на меня. – Что за частный сыск ты мне предлагаешь? Я такой хреню не балуюсь. Это ваша епархия, вот сами в ней и копошитесь.

– Никакого сыска! – честно заверила я. – Просто позвоните местному участковому и попросите его узнать: может быть, пропала какая-то женщина и...

– Бойкова! – прервал меня майор. – Даже если ее убили час назад или два, никто сейчас не скажет, что она пропала. Не заметят просто, ты это пойми! Нужно подождать день или два. А лучше три – это вернее.

– Ну позвоните, товарищ майор, – засюсюкала Маринка, – ну что вам стоит... А мы больше не будем вас беспокоить, честно-честно! Ну, пожалуйста...

Майор сердито посопел и вытащил из кармана свой сотовик.

– Черт с вами! – сказал он. – Но имейте в виду, сейчас звоню, но больше ко мне не обращайтесь по этому делу ни завтра, ни послезавтра.

– Не будем, – заверила Маринка, – тем более что вы сказали, что лучше всего узнавать на третий день...

– Что? – майор даже прекратил набирать номер и вытаращился на Маринку так, словно она только что показала ему кобру из-за пазухи.

– Шучу, – быстро зашептала Маринка, – шу-чу!

– Я те пошучу, Широкова! – погрозил майор и, фыркая и отплеываясь, набрал нужный номер. – Я те так пошучу... Алло! Кто это? А... привет. Здоренко... Ну как ты? Серьезно? И моя тоже. Сговорились, рептилии...

Пока майор Здоренко вылавливал по телефонам местного участкового, хотя, наверное, дойти до него пешком и озадачить лично было бы быстрее и проще, мы с Маринкой сидели тихо, молча и даже старались дышать пореже. Не знаю, как Маринка, а я уж точно. С майором Здоренко всегда было сложно разговаривать, а уж своими взбрыкиваниями он мог напугать любого, я думаю.

– Какой твой телефон? – вдруг быстро спросил майор Здоренко, отвлекая меня от мыслей.

Я так же быстро автоматически назвала номер своего сотовика.

– И пусть отзвонится моей секретарше по этому номеру, – сказал майор своему собеседнику. – Лады? Пока.

Майор закончил разговор, положил телефон в карман и брюзгливо проворчал:

– И вам пока. Сваливайте отсюда к чертовой матери, надоели вы мне. Обе.

Ничего не оставалось сделать, как свалить и, разумеется, поблагодарить майора за совет и доброе участие.

Мы с Маринкой вышли из машины, переглянулись с топтавшимся около киоска шофером и направились к моей «Ладе».

– Что делать-то будем? – спросила меня Маринка.

– А что делать? Мы с тобой в кафе собирались, кажется, – вспомнила я. – Вот сейчас и поедем посмотрим.

– На что посмотрим? – с подозрением спросила у меня Маринка и заоглядывалась.

– Какие кафе бывают на свете, – буркнула я.

Маринка успокоилась, промолчала, мы сели в «Ладу» и уехали из этого места. Все-таки, скажу я вам, хоть после дождика на пляже народу и меньше, но... Лучше бы мы сюда и не приезжали вообще. Проще бы жилось.

Мы покрутились в моей «ладушке» по улицам города, никакого кафе, удовлетворяющего нашему настроению, не нашли и поехали ко мне домой.

– Завтра поедем на пляж? – тихо спросила меня Маринка, когда мы уже подъезжали и даже можно было разглядеть мои окна.

Вот она всегда так: самые свои дурацкие вопросы умудряется задавать в самое неподходящее время. А если бы я врезалась от неожиданности в столб какой-нибудь?

– Завтра будем работать! – неприязненно заявила я. – А пляжи и прочие развлечения – в выходные дни! Ясно?

– Куда яснее, – вздохнула Маринка. – Я просто так спросила, думала, что тебе захочется. А у самой даже желания не было. Вообще.

Мы приехали ко мне домой, зашли и только успели раскидать свои вещи по углам, как зачирикал мой сотовик.

– Да! – ответила я, выхватывая его из сумки и делая Маринке знак помолчать.

– Это капитан Кузнецов, участковый из Затона. Майора Здоренко я могу услышать? – голос капитана был каким-то испуганным, он, наверное, редко когда звонил таким людям, как наш майор, и заметно волновался.

– Подождите секундочку, – казенным голосом ответила я и махнула рукой на захрюкавшую Маринку.

Маринка зажала рот рукой и присела на пол, сотрясаясь от смеха. Вот всегда она так: момент очень, можно сказать, серьезный, а ее на хи-хи пробило. Безобразие.

Я повернулась к Маринке спиной, чтобы не рассмеяться самой, глядя на нее, и проговорила:

– Товарищ майор занят, он просил меня принять ваше сообщение. Обнаружили кого-нибудь пропавшего?

– Нет, не обнаружили, – ответил капитан. – Я прошелся по всем проблемным домам, и все там нормально. Никакие приезжие или постоянные жильцы никуда не пропадали. Все на месте или известно где. Короче, все нормально.

Маринка затолкала меня в спину, и я повернулась к ней.

– Машина! – громко прошептала она.

Поняв намек, я кивнула и спросила:

– А что известно по машине?

Капитан на той стороне радиоволны затаился. Про машину он слышал в первый раз, потому что мы совсем забыли сказать о ней майору Здоренко, и он, конечно же, ничего не говорил про нее участковому.

– Это какая же машина? – наконец спросил капитан. – Не понимаю, о чем вы говорите.

Я на секунду замялась, но потом, имея уже немаленький опыт по руководству и пусканию пыли в глаза – только когда очень нужно и только по делу! – сделала вид, что проверяю какие-то записи.

– Вот у меня тут в сводке записано, что приблизительно в пять часов вечера от поселка отошла машина «Ауди» темно-синего цвета. Номер... – я сделала еще одну паузу и добавила задумчивым голосом: – Тут у меня почему-то записаны две разные цифры, наверное, показания свидетелей расходятся. – Я замахала рукой Маринке, требуя произнести номер, который я-то уж точно забыла, а вот она, помнится мне, старательно пыталась заучить.

Маринка открыла рот, потом изо всех сил зажмурилась, защелкав в воздухе пальцами, набрала полную грудь воздуха и выпалила:

– Триста восемьдесят один! – И тут же добавила тише: – Или восемьсот тридцать один.

Я повторила оба номера капитану и добавила, что «Ауди» уехала в сторону города.

– Да, конечно же, известна мне эта «Ауди»! – радостно воскликнул капитан. – Я хорошо знаю и машину, и ее хозяина. Номер, кстати, все-таки восемьсот тридцать один. Хозяин – брат одного из наших жителей. Он часто приезжает, и ничего необычного тут нет. Если хотите, могу вам даже дать на него развернутую информацию.

– Минутку, пожалуйста, я запишу, – сказала я, села на пол, положила себе на колени сумку, на сумку свой блокнот, вооружилась ручкой и сказала: – Диктуйте.

Капитан и продиктовал. Я записала все, что мне было сказано, и на этом мы попрощались с капитаном Кузнецовым. Отключив телефон, я перечитала свои записи.

– Ну что там? – лениво спросила Маринка и, ловко нагнувшись,хватила у меня блокнот с записанной информацией.

Я встала и направилась в кухню.

– Ого! Ты решила машину поменять? А чем тебе «Лада» не нравится? – попробовала пошутить Маринка, топая вслед за мною.

– Это та самая машина, которая промчалась мимо нас, – нудно напомнила я. – Не помнишь, что ли?

– Ну еще бы! – хмыкнула Маринка. – Ты знаешь, я вот все думаю: а ведь кроме как на этой машине, труп не мог ни на чем другом уехать.

– Труп уехал на этой машине, – равнодушным усталым голосом повторила я. – Смешно.

– Ну я имею в виду, что его увезли. – Маринка даже немного обиделась на меня. – Ну ты меня поняла, и нечего за слова цепляться!

– Не мог наш труп уехать на этой машине, – терпеливо сказала я. – Не получается. Потому что машина нас обрызгала сначала, а труп мы нашли когда?

– Когда? – повторила Маринка.

– Потом, вот когда. Неувязка со временем получается, – объяснила я.

– Зато увязка с психикой! – прикрикнула на меня Маринка. – Все же ясно: сперва он убивает эту девушку, потом видит нас и пугается. И удирает.

– А потом внезапно становится отважным? – ядовито уточнила я.

– А потом, – важно заговорила Маринка, – он, проследив откуда-то со стороны, что мы ушли, подъезжает снова и увозит труп. Вот так! Если можешь, давай предлагай другую версию. А я послушаю. Не тарелки же ее унесли летающие!

Я промолчала. Понимала, что в Маринкиных словах резон, кажется, есть, но все равно ничего не сказала и начала собираться в ванную. После такого чудного отдыха, который нам выпал на сегодня, очень хотелось принять душ.

– Ну что? – Маринка разволновалась и, глядя, что я уже держу в руках халат и большое полотенце, поторопилась выяснить как можно быстрее все, что я думаю об этом деле: – Звоним майору Здоренко и рассказываем ему про машину? Пусть арестует этого... как его... – Маринка сунула нос в мой блокнот и прочитала по слогам: – Фе-до-то-ва.

– Ага, – ядовито произнесла я, – звоним. Специально для того, чтобы он сначала поорал, а потом ехидно начал спрашивать, на каком же таком основании ему производить этот арест. «Одна баба сказала!» – вот что проорет он в трубку и будет в принципе прав.

– Но ведь больше некому было спрятать труп! Как ты это не понимаешь? Конечно же, он, этот бандюга, погрузил труп в багажник и вывез.

– Сама додумалась?

– Нет, ты подсказала! – презрительно фыркнула Маринка. – Естественно – сама!

– Да ты же про машину-то вспомнила только потому, что я про нее участковому сказала, – возмутилась я. – Вспомнила и записала!

– Неправда! – выпалила Маринка, резко покраснев и еще больше заволновавшись. – Я еще тогда про нее подумала, на пляже.

– Но это же я записала все ее данные!

– Ну, записала. Да ты потому записала, что любишь все записывать. Ты же у нас бюрократ. Хотя нет, не так. Бюрократица, вот! – Маринка весело рассмеялась и встала перед дверью в ванную.

Я немного обиделась, но промолчала.

– Ладно,пусти, – попросила я. – Ты разве не поняла по разговору с майором, что он нам не поверил? Не знаю, что он подумал, но – не поверил. И это было ясно.

– Он думал, что мы его разыгрываем? – удивилась Маринка.

– Думаю, эта версия у него была третьей, – ответила я и отодвинула Маринку от двери.

Наконец-то я спряталась в ванной, но Маринка уже успела испортить мне настроение.

Через десять минут я вышла из ванной, закурила и села за кухонный стол. На столе уже стояли две чашки с кофе. Маринка молча отхлебывала из своей и водила карандашом по карте города, развернутой перед ней.

– А какие были две первые версии? – напомнила Маринка, что я спряталась от нее, не объяснив все до конца. – Например, то, что мы сошли с ума?

– Ты майора не знаешь? – усмехнулась я. – Его первая версия была наверняка та, что мы дуры и нам примерещилось, второй версией было, что нам примерещилось, потому что мы дуры.

– Сам дурак, – быстро ответила Маринка и замолчала, но не надолго. – Как ты думаешь, – спросила она, продолжая что-то выискивать на карте, – этот Федотов сразу поехал и куда-то выкинул труп? Если предположить, что он его и увез...

– Может, и сразу поехал, – равнодушно ответила я. – В ванной я уже обдумала этот вопрос, и у меня сформировалось свое мнение.

– Жаль...

Маринка вздохнула и отбросила карандаш в сторону. Он покатился по столу, докатился до края и упал на пол. Маринка не обратила на него внимания.

– Дорог из города слишком много, – вздохнув, сказала она, – если захочешь что-то срочно увезти и спрятать, то возможностей для этого предостаточно. Вон дорог сколько! И наверняка есть еще целая куча неотмеченных.

– А может, он уехал не сразу, – заметила я. – Сама подумай: куда он поедет? Риск-то какой! Среда бела дня везти труп по городу, когда каждую минуту могут остановить... Что-то я сомневаюсь!

Я закурила и замолчала. Маринка сразу же загорелась новой перспективой.

– Ты думаешь, труп до сих пор в машине? – восхищенно спросила она. – Вот это да!

– Если только он его не выбросил в каком-нибудь уединенном месте.

– Например? – Маринка свернула карту и отправила ее вслед за карандашом, буркнув небрежно: – Потом подберу.

– Ага, только не забудь.

– Труп все еще в городе... – повторила Маринка в задумчивости. – Куда его можно спрятать? Где бы я сама спрятала?

Она в задумчивости уставилась в потолок, а я – с интересом на нее.

Наконец Маринка хлопнула ладонью по столу:

– В заброшенных заводах! В долгостроях! В каменоломнях!

– А у нас разве есть каменоломни? – спросила я. – Это в каком же районе?

– Отстань! – Маринка соскочила с табурета и подошла к плите – ставить вторую порцию кофе. – Про каменоломни я сказала просто до кучи. Ты же меня поняла.

– Ну почти... В общем, можно предположить, – сказала я, – что машина сейчас где-то стоит и труп доныне в ней.

– Стихами заговорила, – отметила Маринка, – молодец! А теперь скажи тете Марине, где именно стоит эта машина?

Я пожала плечами.

– Да где угодно! Но в таком месте, чтобы ее нельзя было ни в чем заподозрить. Даже если хозяин подал заявление на угон, все равно при нахождении трупа сперва начнут допрашивать его. Больше ведь пока некого.

– И что же ты предлагаешь? – Маринка выключила горелки под турками и налила мне в чашку свежего кофе. – Звонить Здоренко? Да, так: позвонить и рассказать ему о наших соображениях.

Мне ее предложение понравилось.

– Сама звони! На сегодня я перевыполнила план по общению с майорами. Нет, нужно, наверное, – размышляла я вслух, – поехать к дому этого... – я заглянула в бумажку, – Федотова Геннадия Васильевича. И там посмотреть.

– А если мы там ничего не увидим? – Маринка села напротив меня и забарабанила по столу в ритме марша. – Если не будет ничего? Что тогда?

– Ну, подождем немного... А потом, думаю, нам придется утереться, как ни прискорбно это звучит, и вернуться домой, забыв навсегда и про труп, и про его исчезновение, – подвела я итог. – Больше не придумывается ничего.

– Забыть... хм... – проворчала Маринка, – забудешь тут, как же... Слушай, а вдруг этот самый труп взял сам встал и ушел, а? Такой бенц может быть? Но это я шучу...

– Я тебе пошучу... – погрозила я. – Я тебе так пошучу, что ты у меня визжать начнешь. Вот когда вернемся ни с чем, ляжем спать, я тебе и напомним твои слова про труп, который сам встал и ушел. А потом пожелаю спокойной ночи.

– Не смей! Не смей, слышишь? – Маринка заволновалась. – Я же ведь пошутила, пока еще светло!

– Ну ладно, ладно, – отмахнулась я. – Будем собираться?

– Будем.

Маринка вскочила и, посуетившись в кухне, вдруг вспомнила, что не была в ванной, и помчалась туда. Вот так она всегда.

– О-оль! – через минуту послышался ее крик из-за двери ванной комнаты.

- Что тебе? – откликнулась я, стоя в коридоре и одеваясь на выход.
- А ты точно не будешь так ночью шутить? – снова крикнула Маринка.
- Посмотрю на твое поведение, – пообещала я.

Глава 4

Пользуясь подробной информацией, предоставленной мне капитаном Кузнецовым, мы поехали в район тракторостроительного завода, где жил Федотов.

Девятиэтажный панельный дом, в котором он проживал, замыкал квартал, одной своей стороной обращенный на запыленный и запущенный сквер. Сбоку от дома, среди чахлах каштанов, рядом с двумя другими автомашинами, стояла и знакомая нам «Ауди».

Я завела «Ладу» на стоянку во дворе соседнего дома и остановила ее.

– Ты смотри, – заворчала Маринка, – какой отважный мужик попался. Сунул труп в багажник и поставил машину около подъезда.

Я молча покурила, подумала, вывела «Ладу» обратно на дорогу и, проехав немного, свернула за угол.

– Отсюда же ничего не видно! – возмутилась Маринка. – Или мы что, по очереди будем бегать и смотреть из-за угла? Это ерунда!

– Ерунда, – согласилась я.

– Ну так что же? – Маринка в недоумении уставилась на меня. – Не поняла, как ты собираешься действовать.

– А вот так. – Я заглушила мотор и взяла свою сумку с заднего сиденья. – Мы с тобой сейчас спокойно выйдем и засядем в кафе, – я ткнула не глядя пальцем на летнее кафе, устроившееся как раз на середине пути между домом Федотова и тем местом, где я остановила «Ладу». – Оттуда все отлично будет видно.

– Ну ладно, – неуверенно проворчала Маринка, – но чует мое сердце, что мы опухнем от кофе и соков, пока что-то случится.

– Дай бог, чтобы ничего не случилось, – пожелала я нам обоим и вышла из машины.

– Ну, знаешь, – продолжала ворчать Маринка, следуя за мной, – если бы так все и было, нам с тобой нечем было бы заняться в рабочее время.

Я промолчала, и ей стало неинтересно бурчать. Она и перестала.

Мы пришли в кафе, осмотрелись, выбрали место, с которого были особенно хорошо видны федотовский дом и его машина, и заказали себе первую порцию кофе.

– Ой, чует мое сердце, – еще раз простонала Маринка, – до ночи просидим и одуреем от тоски.

Ну, в общем, почти так, как предсказывала Маринка, и получилось.

Сперва пили кофе, на редкость отвратительный на вкус и мутный, потом перешли на соки. Какие темы мы обсудили, от каких кавалеров отмахнулись – рассказывать не буду. Неинтересно. Смеркалось, времечко подвалило к десяти.

– Ну, как ты думаешь, долго нам еще тут торчать? – спросила меня Маринка, зевая уже не стесняясь. – Спать хочу.

– Не знаю. – Посмотрев на свою полупустую пачку сигарет, я со вздохом положила ее в сумочку. – Очень вредная для здоровья работа у частных детективов.

– И на редкость бесполезная, – поддержала меня Маринка. – Мы потеряли целый вечер, нагрузили почки и желудок бочкой жидкости и...

– Ну-ка, прекрати! – прикрикнула на нее я. – Что это еще за разговоры? Не заставляй меня подозревать... – Я замолчала и потянула многозначительную паузу.

– Что? – как-то враз переполошилась Маринка. – Что?

– Ничего, пошли в машину.

Мы перебазировались в «Ладу».

Я вывела ее со стоянки и поставила наискосок от угла дома Федотова, в двадцати метрах от его «Ауди». Я выключила свет в салоне и габаритные огни, «ладушка» погрузилась в замечательную темноту, хоть сразу засыпай.

Положение стало откровенно дурацким. Уезжать вроде обидно, ведь было потрачено столько времени, что теперь казалось, еще чуть-чуть, ну буквально вот-вот что-то да произойдет. А с другой стороны, именно из-за того, что было потрачено так много времени, становилось просто жалко тратить его еще больше.

На улице стемнело окончательно.

Я уже два раза устанавливала себе «самые последние пять минут», Маринка совершенно по-свински задремала, привалившись к дверке, и тут мне показалось наконец-то, что ждали мы не зря.

Возле интересующей нас девятиэтажки показался одинокий мужчина. Он быстрым шагом прошел мимо нескольких стоящих около дома машин, в том числе и мимо «Ауди», потом медленно пересек двор и остановился под деревом рядом с подъездом.

Я толкнула Маринку в бок, честно говоря, радуясь, что есть хороший повод разбудить эту швабру. А то она уже и посапывать начала во сне.

– Что? Что такое? – сразу же забормотала Маринка, нервно оглядываясь. – Сколько времени?

– Тихо ты! – шикнула я на нее. – Не мешай бдить!

– Что делать? – Маринка проследила за моим взглядом.

В это время парень, как бы решившись, быстро подошел к подъезду и скрылся в нем.

– Ну, погулял мужик и домой отправился, – пробурчала Маринка. – Зачем нужно было меня будить?

Но тут парень вышел обратно и снова огляделся.

– Получается, что недогулял, – прошептала я.

– Ого! – полусонным голосом отозвалась Маринка. – А может, это наш коллега...

– Журналист? – не поняла я. – Репортер?

– Нет, детектив какой-нибудь, – зевнула Маринка.

– Кто? – не поняла я.

– Ну, местный частный детектив, я имею в виду. – Маринка захихикала в темноте. – А вы, девушка, совсем книжек не читаете. Упущение-с!

– Ну и шуточки у тебя, – заворчала я, – прихотливые, мягко говоря.

– Не ворчи. Я же почти сплю, – резонно заметила Маринка. – Отсюда и сюрреализм ненормальный в мыслях. А ты бы хотела, чтобы я назвала этого парня Арчи Гудвином из романов Рекса Стаута? Увы, на наших широтах Гудвины не водятся, – Маринка вздохнула, – и не плодятся. Не тот климат, наверное.

Я хмыкнула. Она рассмеялась, и я потащила из пачки очередную сигарету, решив, что эта уж точно будет последней и, выкурив ее, я поеду домой. Хватит играть в сыщиков. Надоело.

Парень же, постояв около подъезда, направился к стоянке.

– А ведь точно ему что-то надо... – задумчиво проговорила я.

– А может быть, у него свидание? – Маринка села поудобнее и мечтательно произнесла: – Условился с любимой и теперь ждет ее. Романтика...

Парень тем временем, видимо, решил. Создавалось четкое впечатление, что он убедился в безопасности, в том, что за ним никто не следит, потому что уверенно развернулся и подошел к «нашей» «Ауди». Быстро, в последний раз оглядевшись по сторонам, открыл машину и сел за руль.

– Ну вот, – прошептала я, – Федотов принял решение вывозить труп.

– Господи боже мой! – вдруг вскричала Маринка. – Я только сейчас сообразила: он же ее сбросит на какую-нибудь свалку!

– Ну а куда же еще... – тихо сказала я, заводя мотор, но не включая габаритные огни. Спугнуть преступника раньше времени мне не хотелось. И вообще... чем позже нас заметит убийца, тем оно будет... хм... спокойнее.

«Ауди», тоже соблюдая меры предосторожности, темная, неосвещенная, выехала со стоянки и плавно развернулась на дороге. Разворот мне понравился: кажется, Федотов – опытный водитель, с таким состязаться будет сложно. К тому же пара «Лада» против «Ауди» – не совсем равноправный гоночный вариант.

Но все эти мысли промелькнули как-то стороной. Главное – не упустить мерзавца, и я собиралась показать класс автомобилеводения.

– Ну, теперь наша очередь, – тихо проговорила я, нажимая на педаль.

Погоня началась.

– Я возьму твой сотовик, – азартно произнесла Маринка, запуская руку в мою сумку. – Кто его знает: вдруг начнет отстреливаться, тогда мы сразу же вызываем на помощь весь городской РУБОП.

– Весь сразу? – спросила я, не выпуская из виду удаляющуюся «Ауди».

– А что теряться? – воскликнула Маринка. – Пусть покажут, на что способны!

– Ну, сперва мы должны это показать, – проворчала я, стараясь не отстать от «Ауди», быстро набирающей скорость на прямой дороге.

Федотов, видимо, заметил погоню. Он, постоянно увеличивая скорость, мчался по полупустым улицам, и я только радовалась, что мы находимся не в центре города, где даже в такое время всегда много и машин, и пешеходов. Водитель «Ауди» выбирал не самые основные трассы, стараясь держаться улиц боковых и безлюдных, но это все равно не спасло его от встречи с ГИБДД.

Я еще издали заметила, как из-за развесистого дерева вышел сидевший до этого в засаде инспектор и взмахнул жезлом. Однако Федотов, не останавливаясь и не обращая внимания на гибэдэдэшника, промчался мимо него и резко свернул налево.

Мы на полной скорости тоже проскочили мимо обалдевшего инспектора, застывшего с полукрытым ртом. Не привыкли наши инспектора к киношным гонкам по городу, вот и теряются при виде таких фокусов. Ну что ж, все когда-то бывает в первый раз.

– Звони майору Здоренко, – приказала я Маринке, – а то сейчас начнут погоню и поймут нас, а этот гонщик уйдет.

– Ага, поняла, – закивала Маринка, развернула телефон, зачем-то пробормотала, что я классно вожу машину, и тут же толкнула меня под правый локоть.

– Блин! – выругалась я, выравнивая послушную «ладушку», сразу нырнувшую влево. – Что ты делаешь?

– Извини, – ойкнула Маринка, – это случайно. А какой у него номер?

– Да не помню я, посмотри в блокноте, – раздраженно крикнула я, – на букву «зэ»!

– Да уж догадаюсь как-нибудь, – надулась Маринка и начала быстро перелистывать мой блокнот.

Я влетела в поворот за «Ауди» и сразу увидела, что нас обманули. Федотов, как опытный тактик, успел развернуться и теперь мчался навстречу, ослепляя нас фарами. Я резко дернула руль вправо, «Ауди» промелькнула мимо, просто каким-то чудом не задев зеркало.

Пришлось тормозить, немного повозиться и потерять время, разворачиваясь. Маринка тем временем набрала номер майора и сейчас с полукрытым ртом ждала его ответа. Очень мудрое решение, между прочим. Я по телевизору видела: наши солдаты в Чечне, когда стреляют из минометов, тоже приоткрывают рты, чтобы барабанные перепонки не повредились от сильного грохота.

Я как раз вырулила на прямую, когда справа от меня послышался громкий голос майора Здоренко. Что ему там объясняла Маринка, я постаралась не слушать, потому что передо

мною стояла конкретная цель – догнать как можно скорее уже поворачивающую на следующем перекрестке «Ауди».

Я ударила по педалям, не заметила, как закусила губу, и рванула вперед.

Маринка громко кричала в телефон, майор Здоренко громко орал из него, я же старалась доскочить до угла, ни во что не «вписавшись» по пути. «Лада» моя, конечно же, машинка неплохая и подруга проверенная, но на такие короткие дистанции и так быстро я еще на ней не скакала никогда.

Маринка свернула телефон и шумно выдохнула.

– Вроде бы поверил, – крикнула она мне прямо в ухо, и я от неожиданности отклонилась, – но ругался... Хлеще, чем обычно.

– Не кричи, – тихо сказала я, не из-за занудства, а потому, что как раз сейчас была очень ответственная фаза нашей погони: новый перекресток. Как там у «Машины времени»: «Вот, новый поворот!...»

Короче говоря, двигались мы в ритме отечественной рок-классики, но это я уже потом поняла, сейчас было не до музыкальных цитат. Лихо сделав вслед за «Ауди» «новый поворот», я обнаружила, что Федотов продолжает свое движение и не думает пока поворачивать. Меня это немного успокоило. Я опасалась, как бы этот бандюга снова не развернулся и не пошел бы на таран с «Ладой» – терять-то ему есть что. Вот такого сценария в новой серии про жизнь и работу «папарацци» мне очень бы не хотелось. Риск – дело благородное, но лучше смотреть, как это делают другие, по телевизору. А в жизни я вообще-то предпочитаю мир, тишину и покой.

– Вон он! Вон он! – кричала Маринка, тыча пальцем в стекло, как будто я сама была не состоянии все увидеть и без ее указаний.

Около забора старого кладбища Федотов затормозил, выскочил из машины и, не захлопнув дверку, побежал через дорогу к микрорайону пятиэтажек. Спрятаться там у него возможности, разумеется, были. Попробуй найди иголку в стоге сена, при том что преследуемый явно не собирался лежать как иголка.

Я начала сбрасывать скорость. Сзади нас в этот момент ярко загорелись фары милицейской машины.

– Убегает! – заорала Маринка и застучала кулаками по передней панели салона. – Ты не подъезжай к машине близко. Он ее заминировал, я точно знаю.

Непонятно, откуда она могла это «точно знать», но на всякий случай я не доехала до «Ауди» десяток метров и резко остановилась. Взвизгнули тормоза. Не дожидаясь, когда «Лада» остановится окончательно, Маринка распахнула свою дверку. Торопливо приговаривая «давай, давай», она сделала имитацию прыжка наружу, потом тихо сказала: «Ой», потом еще тише произнесла: «А ну его на фиг» – и только после того, как «Лада» окончательно остановилась, выскочила наружу. Она припустилась следом за Федотовым, как будто была не Маринкой вовсе, а как минимум Шварценеггером, была увешана всяческим оружием и умела при случае отмахнуться от десятка самых опытных головорезов.

Я выскочила за ней следом и с криком: «Подожди меня!» – побежала туда же, даже не успев подумать, что, может быть, опасно так вот бегать за явным преступником по ночам, что он может быть вооружен и прочее. Главное было, что Маринка побежала, ну а я, неприятно в этом признаваться, конечно же, но куда деваться, – за ней, за компанию.

Сзади послышался свист тормозов. Это остановилась милицейская машина. Было приятно сознавать, что мы были тут уже не одни. А впереди я увидела бегущую по темному двору Маринку и слышала, как она в дурацком азарте заорала:

– Стой, стрелять буду, руки за голову!

Ну если дело дошло до таких грозных команд, то, возможно, развязка близка.

Я припустилась еще быстрее.

За спиной раздался дружный топот сапожищ, и меня обогнали двое милиционеров.

– Вон он! – крикнула я им, показывая на Маринку, бегущую впереди, и на мелькающую перед ней тень Федотова.

Ребятки в форме ничего не спросили, но поднажали, а я – скромно признаюсь, мне есть чем гордиться, и я не собираюсь этого скрывать – почти не отставала от них. Бежала едва ли не наравне.

Федотов совершил ошибку. Так оно обычно и бывает, когда на время отключаются мозги. Он зачем-то запрыгнул на пожарную лестницу на стене ближайшего дома. Боевиков, наверное, посмотрелся.

– Стой, гад! Все равно не уйдешь! – орала Маринка, подпрыгивая под лестницей и наверняка радуясь, что погоня закончилась и бегать больше не придется.

– Стой, мерзавец, я тебя вижу! – продолжала выкрикивать она, гордо оглядываясь на меня и мое сопровождение.

Федотов не оглядывался, а упорно лез все выше и выше.

Тяжело сопящие милиционеры остановились под лестницей, перекинулись парой слов между собой, и один побежал вокруг здания, а второй сдернул с плеча рацию и срывающимся голосом заговорил в нее.

– Ну ты с ума сошла! – заявила я Маринке. – Бросилась за этим гадом вдогонку... А если бы он вытащил пистолет?

– Да брось ты, такая веселуха! – легко ответила Маринка и откашлялась. – Он же удирал как заяц. Вот это да – мужик убегает от меня и боится! Просто кайф! Я бы еще побегала... ну хотя бы немножко...

Закончивший разговаривать по рации сержант взглянул на нас.

– Так вы не из наших? – удивленно спросил он. – А нам поступил приказ оказывать вам содействие!

– Мы – наши, – гордо сообщила Маринка, – это вот он, – она ткнула пальцем вверх, – не наш. Но вообще-то мы журналистки.

– Журналистки? – переспросил сержант и на секунду задумался. – А, из «Щита и меча»...

– Ничего подобного, – Маринка даже обиделась, – в этом «Щите», наверное, одни только ветераны «Смерша» работают, а мы из газеты «Свидетель».

Сержант хотел что-то сказать, но тут ожила его рация и заговорила с ним человеческим голосом. Пока он отвлекся, я взяла Маринку под руку и повлекла ее в сторону.

– Ты чего? – Маринка выдернула руку и даже на всякий случай отошла на шаг. – Подожди! Сейчас его поймают, потом и пойдем. Представление еще не закончилось...

Для Маринки это все было, как она сама призналась, веселухой, но я-то не забыла, ради чего все затевалось.

– Пока есть возможность, – сказала я, – нужно сделать фотографии машины, то-се...

Я нарочно понизила голос, и Маринка, опомнившись, посерьезнела.

– Ты хочешь одна туда пойти? – напряженно спросила она.

– Не одна, а с тобой. Пошли, пошли, не будем отвлекать людей от их работы.

Почти силой я увела Маринку от угла дома, и мы пошли через темный двор обратно.

Чем меньше оставалось нам идти до дороги, тем меньше у меня самой оставалось смелости. И тем больше начинала действовать на нервы Маринка, которая принялась откровенно ныть, постоянно повторяя, как заклинание: «Ну зачем, ну почему, давай лучше потом». Но, может быть, именно это ее поведение и помогло мне сохранить какое-то присутствие духа. Пока я отвечала на ее дурацкие вопросы, мы дошли до дороги и увидели, что в компании с «Ладой» и «Ауди» стоит третья машина, только что подъехавшая, – белая «БМВ».

Из нее, как раз у нас на глазах, вылез весьма недовольный всем подряд майор Здоренко, одетый, как всегда, в форму и с сигаретой в зубах.

– Ну как же! – рявкнул он, увидев нас, и сдвинул фуражку на затылок. – Кому не спится в ночь глухую?

– Это не про нас! – весело крикнула ему в ответ Маринка. – Это про вас, товарищ майор!

– С какого боку? – Майор задумался и пожевал сигарету в зубах. По-видимому, забыл свою реплику и сейчас старательно ее вспоминал.

– Да пока вы спите, мы вам преступников ловим! – нахально заявила Маринка.

Мы подошли к майору, и он, осмотрев нас с Маринкой с головы до ног, покачал головой.

– Еще неизвестно, кого вы там ловите, – сказал майор, – а вот на кого вы похожи, я вам не скажу. Сами догадайтесь.

Мы с Маринкой быстро поправили на себе все, что было можно.

– Почему же неизвестно, кого мы ловим?

– Потому что ваш беглец может оказаться обычным нормальным гражданином. Вот сейчас его поймают, а он скажет, что за ним погнались преступники, – майор пренебрежительно кивнул на мою «Ладу», – и он, спасая свою жизнь, вынужден был и ехать быстро, и... и бежать быстро.

– Не скажет! – убежденно выпалила Маринка и еле слышно добавила: – Наверное.

– Да? – Майор не расслышал ее тихой реплики и, повернувшись, смотрел уже через дорогу. – А вот мы сейчас и послушаем... – он показал пальцем в сторону микрорайона.

Мы с Маринкой тоже повернулись.

Через дорогу уже шли наши помощники-сержанты и вели между собой беглеца с заведенными назад руками.

Мы с Маринкой, не сговариваясь, встали позади майора. Хотя и в наручниках убийца, но все-таки страшный человек, и лучше от него находиться подальше. Черт его знает, еще укусит, не дай бог, и впрыснет какого-нибудь яду под кожу.

Федотов оказался молодым человеком, приблизительно лет двадцати пяти – двадцати семи. У него были длинные темные волосы и очень безобразные узенькие усики над короткой верхней губой.

– Документы...

Майор обратился не к задержанному, а к приведшим его сержантам, и один из них, очевидно старший, шагнул вперед и отрицательно качнул головой.

– Ничего с собой из документов у него не было. Только вот это, товарищ майор, – доложил сержант, протягивая несколько металлических палочек и крючочков.

Майор Здоренко только мельком взглянул на эти жуткие предметы, похожие на мерзкие медицинские инструменты, и присвистнул. После этого он весело покосился на нас и спросил у задержанного:

– Ну что, братишка, покататься решил?

Задержанный промолчал, но, получив тычок в спину, поднял голову и глухо ответил:

– Ну.

– А ты мне не нукай, – усмехнулся майор, – нукать буду я. И очень скоро.

Он обратился к сержанту:

– Оказывал сопротивление при аресте?

– Да, товарищ майор. – Сержант вытарашил глаза и начал говорить, как автомат, почти без интонаций: – Несмотря на неоднократно поданные команды остановиться, как положено по инструкциям, задержанный попытался уйти по пожарной лестнице и, когда его перехватили на другой стороне дома, сильно ударил сержанта Надина кулаком в грудь. Два раза.

– Это тебя, что ли? – развеселился майор, поглядывая на крупного сержанта с откровенным недоверием.

– Нет, его, – старший наряда кивнул на своего напарника.

– Не было этого, – пробурчал задержанный.

– Ну да, не было, – майор сочувственно кивнул, – и ты не бегал, а у нас у всех были галлюцинации.

– Я от баб бегал, – вдруг выпалил задержанный. – Думал, что они маньячки!

Глава 5

– Что?

Задоренко захохотал, полусогнулся и в восторге ударил себя по коленям кулаками.

– Бойкова! – заржал снова майор, – Надо арестовать тебя за злостное приставание к мужчинам. Да запросто! А что? Свидетелей найдем...

Сержанты заулыбались. Задержанный распрямил ссутуленную спину и забежал глазками по сторонам. Наверное, в шутках майора ему померещился призрак свободы. Однако он ошибся.

Майор продолжал веселиться. Я молчала, обдумывая ситуацию, а вот Маринка молчать не стала.

– Да тебе за счастье, дурак, чтобы тебя преследовали такие, как мы. Убегал он! От маньячек! – заорала Маринка, буквально накинувшись на задержанного. – Что вы с ним разговариваете, товарищ майор? Давайте откроем багажник и спросим, куда он собирался отвозить труп.

Задержанный вздрогнул, побледнел и отшатнулся. Сержанты посерьезнели. Майор хмыкнул еще раз и покосился на меня.

– Какой труп? – прошептал парень. – Я не знаю ничего. Это не моя машина. Какой труп?

– А мы вот сейчас посмотрим какой, – тише и не так уже грозно, как он говорил до этого, произнес майор.

Он подошел к «Ауди» и подергал крышку багажника.

– Закрыт, – констатировал майор Здоренко и повернулся к задержанному: – Иди открой, специалист. Если умеешь угонять машины, значит, и багажники легко открываешь.

– А потом вы мне припишете, что я... – задержанный запнулся на полуслове, видимо, соображая, что сказать.

– Иди, придурок, иди. Помоги следствию. И следствие поможет тебе. Может быть, – усмехнулся майор, отходя от «Ауди». – Давай не стесняйся.

Сержанты расстегнули на задержанном наручники и передали ему в руки конфискованные инструменты. Он подошел, привычно оглянулся, согнулся над замком багажника и буквально через несколько секунд отпер его. Потом вздохнул, отошел и встал рядом с сержантами, вернув им крючки.

– Не буду сам открывать, – сказал он. – Не моя машина. Кому надо, тот пусть и открывает.

– Ох уж мне эти скромники... Сначала маньячки за ним гоняются, теперь багажник открыть стесняется. Беда мне с вами. – Майор сплюнул на землю, решительно подошел к «Ауди» и открыл багажник.

Маринка охнула, закрыла рот ладонью и отвернулась. Я просто прикрыла глаза.

– Ого!

Я услышала, как майор произнес это словечко, и поняла, что его тоже проняло. Ну еще бы! Собрав всю силу воли в кулак, я открыла глаза и шагнула вперед. Затем осторожно заглянула через плечо майора.

Трупа в багажнике не было!

Но и пустым он не был.

В багажнике «Ауди» лежали толстые пачки каких-то открыток, перетянутые резинками, и пачки узких и коротких бумажных полосок, разрисованных извилистыми линиями.

– Что еще такое... – пробормотал майор Здоренко и поддел пальцем резинку одной из пачек. Открытки оказались самыми обыкновенными этикетками от водки «Столичная».

– О-паньки!.. – воскликнул майор и повернулся ко мне: – Бойкова, ведь ты, похоже, не без улова. Поздравляю!

– Что это за шутки? – спросила Маринка, тоже засовывая нос в багажник. – Фальшивые баксы, да? Но они какие-то странные...

– Вылезай-ка, Широкова, отсюда, пока нос не прихлопнуло. – Майор оттянул Маринку в сторону, кинул этикетку обратно и захлопнул крышку багажника.

Он отклонился и, прищурившись, посмотрел на номер машины.

– Так твою распротак... – задумчиво проговорил он. – А чья же машина будет?

– Разве не его? – Маринка показала на задержанного, но майор даже не удостоил ее взглядом. Он с сопением выудил из внутреннего кармана своего кителя сотовый.

– Я могу вам сказать, чья это машина, – сказала я, доставая из сумки свой блокнот. – Участковый по вашему приказу продиктовал мне все данные хозяина.

– Вот как? – рассмеялся майор Здоренко. – По моему приказу, значит? Ну ты даешь! Это не труп, Бойкова, но это тоже... как это по-вашему-то... Короче, будет о чем написать в твоём листике... Адрес давай.

Я начала зачитывать вслух все, что у меня было написано про Федотова, но майор взял блокнот и прочитал сам. Задумчиво похмыкал, вернул мне блокнот и набрал на своем телефоне номер.

– Ты, Петрович? – крикнул он в телефон. – Это Здоренко говорит. Есть у меня кое-что по твоему профилю. Мы тут задержали угонщика на чужой машине, а в машине-то сюрпризец... Похоже на качественный левак. Да, случайно напоролись... Поезжай на Афанасьевскую, тридцать пять. Я там уже буду, пока ты раскачаешься. Ну, давай.

Майор сунул телефон обратно в карман и посмотрел на нас с Маринкой.

– Ну, поехали, следопытши газетные. А вы, ребята, – он повернулся к сержантам, – тащите свой улов в отделение, и пусть пишут бумажки. Этого-то мы точно взяли с поличным.

Майор молча сел в свою машину, а я пошла в свою. Маринка, почему-то затормозившись, догнала меня уже, когда я садилась в «Ладу».

«БМВ» ехала впереди, а я за ней, хотя и так прекрасно знала, где расположен дом Федотова. Но, имея дело с майором Здоренко, лучше субординацию не нарушать.

– Ты что-нибудь понимаешь? – Маринка повертелась на сиденье и решила скоротать дорогу под дружеский разговорчик. – Получается, что мы просто помогли задержать угонщика чужой машины. И это вовсе не Федотов...

– Конечно, я это поняла, – сказала я. – Мы с тобой такие молодцы, что слов нет, – содействовали раскрытию сразу двух преступлений.

Тут я слегка покраснела, вспомнив, что обыкновенного автоворишку долго и упорно считала Федотовым. Но, ничего, и на старуху бывает проруха. А мы с Маринкой еще далеко не старухи.

– Каких это двух? – упавшим голосом спросила меня Маринка. Ей наверняка казалось, что она очень сообразительная, да теперь по всему выходило, что это не так, и ей стало грустно.

– Как я понимаю, первое преступление – это предотвращение угона автомобиля господина Федотова. Которое, впрочем, на пользу ему не пошло...

– Потому что он гонит левую водку! – торжественно и обрадованно закончила Маринка, поняв наконец, в чем дело. – Ну, вот крутое приключение! А теперь едем брать его с поличным? Такое мы еще не описывали. Вот, говорила я тебе неоднократно, что нужно брать с собой видеокамеру. Сейчас бы все сняли, а потом сыграли бы в ящик!

– Не хочу! – отрезала я.

– Это же метафора, глупенькая, – сочувственно протянула Маринка. – Ящиком я назвала телевизор. Э-эх, мне бы стихи начать писать... Как Марина Цветаева... Только Эфрона у меня нету, вот в чем проблема... Даже не проблема, а трагедия всей русской литературы! Ты как считаешь? Молчишь? Ну это потому, что ты со мной согласна.

Видя, что я не склонна поддерживать разговор о ее блистательном поэтическом будущем, Маринка вернулась к прежней теме.

– А при взятии с поличным обычно стреляют, убегают, да? – Она наморщила лоб. – Что-то я видела такое по ящику...

– Не знаю, как насчет поличного, – заметила я, – но если Федотов заметил отсутствие машины, то мог и меры принять.

– Разбить всю водку? – быстро сообразила Маринка. – Точно! Или вылить ее в унитаз...

– Ты думаешь, что он водку гонит в квартире? Маловероятно.

Машина майора в этот момент затормозила, и я, взяв влево, встала рядом с нею. Оказывается, майор, спеша на захват подпольного водочного завода, похвально соблюдал правила дорожного движения. В педагогических целях, надо думать.

– А где же еще? – Маринка, оказывается, замолчала на несколько секунд только для того, чтобы оценить ситуацию за бортом, и продолжала: – А если не на квартире, то мы просто не найдем ничего! Так он и рассказал про свой подпольный цех! Щаз!

– Посмотрим. Я знаю столько же, сколько и ты.

«БМВ» тронулась с места, я снова пропустила майора вперед, и через пару минут мы подъезжали к дому Федотова.

Напротив подъезда стоял белый «Москвич-2141», и возле него, облокотясь на капот, курил какой-то мужчина в короткой кожаной куртке.

«БМВ» майора Здоренко, лихим маневром развернувшись, разогналась и просто резко затормозила и встала нос к носу с «Москвичом». Я не стала подражать взрослым дяденькам, играющим в детские игры, и аккуратно поставила «Ладу» поодаль.

Майор поздоровался с курящим мужчиной за руку. Из «Москвича» вышли еще двое, и, собравшись в кружочек, они начали совещаться. Когда подошли мы с Маринкой, совещание уже было закончено. Все посмотрели сперва на нас, потом на майора, ожидая объяснений.

– Это пресса, – буркнул майор, дергая в нашу сторону подбородком, – ну да я уже говорил.

Наша новая компания состояла теперь из четырех мужчин, один из которых – тот, что в куртке, – был ровесником майора Здоренко, но уже дослужился до подполковника, а двое остальных были лейтенантами и нашими с Маринкой ровесниками. Или чуть старше.

Ничего мальчики, приятные.

Мы пошли вслед за майором и его коллегами в дом и поднялись на второй этаж.

Дверь одной из квартир была приоткрыта, за нею слышались голоса.

Старший группы зашел первым и сразу же спросил у кого-то, нам пока не видимого:

– Ну что тут?

– Отказывается от всего, товарищ подполковник, – ответили ему.

Войдя в квартиру следом за майором Здоренко, потому что мальчики догадались нас пропустить, мы увидели, что здесь уже вовсю идет так называемая оперативная работа. Если я ничего не путаю в терминах, конечно. Наверное, майор Здоренко по дороге сюда успел переговорить по телефону со своими коллегами еще раз, и они занялись своим делом до его приезда.

В небольшой квартире сидело, сбившись в кучку, все семейство Федотова, которого мы наконец-то сумели разглядеть. Это был сорокалетний брюнет с пухлым лицом и с прической ежиком. Он жался у стены и стрелял блудливыми глазками по сторонам.

Его жена и дочь лет десяти сидели с ногами на диване и испуганными глазами смотрели на чужих людей, пришедших к ним так поздно.

– Привет... привет... А это со мною... – продолжал здороваться подполковник со своими коллегами, троих из которых я увидела сразу, но, наверное, где-то в квартире были еще.

– Ну что, решил уже признаться или как? – в последний раз спросил подполковник у Федотова, но тот в ответ молча пожал плечами. – Понятно. Что ж... Хозяин – барин.

Он повернулся к нам с Маринкой, кисло-улыбнулся и проговорил с неискренним весельем:

– Набирайтесь впечатлений, литработники. Тут вам будет почти это... как оно... Переделкино. – И тут же обратился уже к Федотову: – Ну что же ты такой неразговорчивый да некомпанейский парень, а?

– А с чего мне быть разговорчивым? – бросил хозяин квартиры и постарался презрительно прищурить глаза, но это у него получилось плохо. Глазки его забегали еще быстрее, и он на секунду прикрыл их, потом поднял руку и начал тереть глаза пальцами, вполголоса жалуясь на какие-то глазные болезни.

– Ты не запускай болезни-то, – язвительно посочувствовал майор Здоренко, – а то в тюремной больничке окулистов нету. Там от всего лечат либо левомецетином, либо фенолфталеином. Или карцером. Тоже помогает. Шучу, шучу! – вскричал он, видя, что Федотов шарахнулся назад, припал спиной к стене и вроде даже собрался потерять сознание.

Что за малахольные мужики пошли... Не помню, чтобы я хоть раз попробовала потерять сознание от шуточек майора Здоренко. А теперь и вовсе закалилась, даже сама иногда голос повысить рискую.

– Вы издеваетесь! – прошептал Федотов и добавил громче, но абсолютно неубедительно: – Я буду жаловаться!

– Действительно? – переспросил подполковник, перехватывая инициативу у майора Здоренко. – А помимо квартиры у тебя еще есть что-нибудь? Какая-нибудь недвижимость в городе? Личная или арендованная?

– Дача есть в шесть соток, – проворчал Федотов, – два года на ней не был. Надо?

– Не-а. А большой урожай собирал? – майор Здоренко задал этот несущественный вопрос равнодушным голосом и повернулся к своему коллеге-подполковнику: – Я не помню, ты говорил или нет: участкового вызвал?

– Сейчас подойдет.

– Ну, хорошо.

– Я могу узнать, в чем дело? – расхрабрился наконец Федотов. – Что здесь происходит? Вы ворвались ко мне, сказали: «Подожди, скоро объясним». Так когда же наступит это ваше «скоро»?

– Сейчас и наступит, – пообещал подполковник, – так ты не понимаешь, в чем дело?

– Нет. А в чем? И вообще... – Федотов, видимо, расхрабрился окончательно и решил перейти в наступление: – Пришли ночью, говорите загадками! Что это за безобразие такое!

– Да нет никаких загадок, ты что? – майор Здоренко, как опытный игрок, перехватил внимание Федотова и тем самым сбил его поднимающийся воинский пыл. – Мы, можно сказать, новость тебе принесли хорошую. Радостную, я бы сказал. Так вот: твоя машина нашлась!

– Какая машина? – Федотов вдруг потерял голос и удушливо закашлялся.

– «Ауди», какая же еще... Синенькая такая. – Майор Здоренко говорил как бы ласково, а на самом деле просто жутко.

– А она и не терялась! – выпалил Федотов.

Я отошла ближе к дверям, чувствуя себя здесь категорически лишней. Это все Маринка виновата и ее желание съездить на пляж. Не поехали бы на пляж сегодня, я бы давно дома была и сейчас готовилась бы лечь спать.

– Ошибаешься, дорогой ты мой, ошибаешься! – продолжал тем временем майор Здоренко «прессовать» Федотова. – Она еще как терялась! Вот видишь, мы знаем об этом, а ты нет. Угоняли твой транспорт, и задержали мы угонщика около самого кладбища. Знаешь наше старое кладбище? Там еще Чернышевский похоронен. Который книжки писал про сны.

Майор замолчал и полюбовался реакцией от своих слов – Федотов сникал на глазах.

– Да, – с садистским удовольствием продолжил майор. – Ребята с поста ГИБДД постарались. Продиктовать тебе фамилии героев?

Федотов напрасно старался поймать взгляд майора Здоренко, чтобы хоть по глазам угадать то, о чем тот умалчивает. Майор же нарочно опустил голову, вынул пачку сигарет и начал неторопливо вылавливать из нее сигарету. Заданный вопрос, однако, требовал ответа.

– Ну, в общем... – неопределенно промямлил Федотов и не выдержал: – А что с машиной?

– Целая и невредимая, – скромно ответил майор Здоренко. – Мы ее там и оставили, где нашли. Акт составляют ребята, бумажки всякие пишут...

Майор вдруг резко поднял голову и остро взглянул в глаза Федотову. Тот не успел спрятать взгляд, вздрогнул, громко сглотнул слюну и начал облизывать вдруг высохшие губы.

В это время из коридора слышались негромкие голоса и шаги. В комнату вошел пожилой майор. Он был низок ростом, широкоплеч и толстобрюх.

– Здравствуйте, товарищи, – неожиданно высоким голосом сказал он, – старший участковый инспектор Ничипоренко... Разрешите ваши документы, товарищ майор.

Произнеся эти слова, он покраснел, надулся, но настойчиво шагнул к майору Здоренко. Тот был единственным в форме среди всех собравшихся в квартире сотрудников милиции, и желание участкового было закономерно. Правда, сам участковый тут же застеснялся своей просьбы, начав бормотать что-то вроде «время сейчас, сами знаете, какое...». Но, взглянув в поданные ему корочки, быстро-быстро закивал и забормотал уже громче:

– Все в порядке, все в порядке, просто... понимаете ли... вас в лицо я не знаю...

– Все нормально, майор, все очень нормально, – покровительственно сказал майор Здоренко и отвернулся. Было заметно, что, несмотря на заявленную нормальность ситуации, ему не понравилось, что в лицо его не знают.

Незнакомый нам подполковник пожал руку участковому, уже не показывая документов: майор Здоренко своими корочками легализовал всех. Остальные оперативники тоже пожали руку Ничипоренко, и тот, настороженно перебегая глазами по сторонам, спросил:

– Что-то случилось, товарищи?

– Нет вроде, а то я бы знал, – внешне сохраняя полушутливое настроение, сказал майор Здоренко и тут же перешел к делу: – У этого гражданина гараж есть какой-нибудь в округе или еще что-то подобное?

– А как же, – участковый закивал, недоуменно поглядывая на Федотова, – в общем кооперативе у него двойной гараж. Кажется, за номером триста пятьдесят пять. Верно, Василич? – обратился участковый к Федотову.

Хозяин квартиры сначала укоризненно покачал головой, а потом нехотя пробормотал:

– Верно.

– А что же машину он держал во дворе? – спросил подполковник. – Вот ведь какая неприятная штука получилась!

Подполковник почмокал губами, улыбаясь, переглянулся со Здоренко и, хлопнув Федотова по плечу, предложил:

– Пошли, Геннадий Васильевич, гараж твой посмотрим!

– Зачем? – Федотов прижался к стене, мечтая, наверное, раствориться в ней. – Зачем мне это?

– Ты не спорь, – участковый подошел к нему, – ты лучше вот о чем подумай: если товарищи разозлятся на тебя, то тогда, значит, нехорошо будет.

– Он хотел сказать «хуже будет»? – громким шепотом спросила у меня Маринка и абсолютно все присутствующие в комнате повернулись и посмотрели на нас.

– А я что? – неожиданно застеснялась Маринка. – Я просто так спросила. Нельзя, что ли?

Глава 6

Мы всей нашей увеличившейся компанией шли к гаражу Федотова почти в полной тишине, в полном молчании. Мужчины шли впереди, мы с Маринкой – в самом конце. На нас и внимания, кажется, не обращали. Обидно, между прочим.

Маринка уже молчала и, только натыкаясь в полутьме на какую-нибудь кочку, начинала вздыхать и ворчать.

Гаражный кооператив тремя извилистыми улицами закручивался спиралью сразу за девятиэтажкой, уползая своими окончаниями в пустырь, раскинувшийся за гаражами и продолжавшийся в полную темноту, не освежаемую ни единым лучиком света из окон или от фонарей. Здесь была одна из окраин города.

Участковый, хорошо знавший все местные окрестности, повел всех нас по первому проходу и, не останавливаясь, довел до первого поворота налево. Свернув раз, потом еще, остановился около последнего гаража. Этим гаражом ряд кончался. Он, этот гараж, вообще стоял как-то на отшибе, с обеих сторон имея проходы на пустырь.

– Твой? – спросил подполковник Федотова.

– Ну, мой, кажется, – с тяжелым вздохом признался Федотов.

– Кажется или твой? – уточнил майор Здоренко. – Открывай давай!

Федотов обвел всех присутствующих тоскливым взглядом, вынул из кармана связку ключей, повозился над замками, продолжая вздыхать, отпер гараж и отошел в сторону.

– Так не пойдет, – сказал подполковник, – ты калитку открой.

Федотов послушался. Потянул на себя калитку, поддавшуюся с тихим скрипом. Постоял с секунду, подумал, махнул рукой и вошел в гараж, почти сразу же включив там свет.

Вся внутренность нестандартного гаража представляла собой помесь склада и маленького предприятия по изготовлению левой водки. Здесь стояли ящики с бутылками и канистры со спиртом. Лежали пачками этикетки и акцизные марки...

– Ну что, Бойкова, все куксишься? – Майор Здоренко подошел ко мне и довольно рассмеялся: – Это ж твоя удача, твоя! – Он бросил взгляд на Маринку и поправился: – Ваша!

– Подумаешь! – презрительно сказала Маринка и отвернулась. Слова майора Здоренко задела ее.

– Ну ты что? – подошел ко мне ближе майор. – В чем еще дело?

– Да это же все не то, товарищ майор, – вздохнув, сказала я.

– Как «не то»? А что же «то»? – Майор сдвинул фуражку даже не на затылок, а дальше, почти на шею, нагнул для ее устойчивости голову немного вперед и внимательно посмотрел на меня. – С твоей помощью и при твоём, так сказать, непосредственном содействии раскрыто два преступления! Я рапорт настрочу, чтобы тебя наградили ценным подарком.

– А каким? – сразу же заинтересовалась Маринка и подошла. Она уже забыла, что только что обижалась.

– Ну-у, каким... – задумчиво протянул майор Здоренко. – Вы не в штате и... я думаю, выпишем вам бюст Дзержинского! У нас как раз есть один средних размеров, мы его еще не пристроили никуда. А тебе в кабинете, Бойкова, он пригодится. Культурная вещь!

– Мраморный бюст? – спросила Маринка, снова заскучав. – Или чугунный?

– А хрен его знает, – майор нахмурился, – вроде белый, значит, может быть и мраморный. А тебе не все равно, Широкова? Ты же его на могилу себе ставить не собираешься?

– Может, я его для... – Маринка захотела съязвить, но у нее не хватило духу. Она замолчала на полуфразе, и майор погрозил ей пальцем.

– А тебе, Широкова, за твои шуточки я выпишу персональную парадную смиренную рубашку. Так и знай!

– Таких не бывает, – завелась Маринка, а я, не слушая их бесполезный спор с претензиями на юмор, медленно прошла по гаражу, осмотрела все, что было, и вышла наружу.

Вскоре ко мне подошла Маринка.

– Поехали отсюда, а? – сказала она. – Ну, молодцы мы, слов нет, только уже спать пора.

– Да уж, – согласилась я, – слов нет...

Я осмотрелась и заметила, что проходы, ведущие от гаража к пустырю с двух сторон, выглядят не одинаково. Правая тропа была более протоптанной. Покачала головой и, подумав, что не зря, наверное, меня недавно называли следопытом, я немного прогулялась по этой тропинке и за гаражом справа заметила колодец, прикрытый дощатым щитом.

– Бойкова, – послышался сзади здоровый майорский рык, – ты куда это собралась? Бежать к канадской границе? Это в другую сторону!

– Я в курсе, – вздохнула я и показала на колодец: – Посмотрите, товарищ майор, сюда от гаража часто зачем-то ходили. Не заросла народная тропа, так сказать.

Майор приблизился и ткнул носком ботинка в деревянный щит.

– Похоже на то, – согласился он. – Только за каким хреном, интересно?

– Нужно открыть и посмотреть! – выпалила незаметно подошедшая Маринка. – Там у него склад, это точно! Или... или он туда труп сбросил, – тише закончила Маринка и прикрыла рот рукой.

– Опять про то же, – проворчал майор Здоренко и, больше ничего не сказав, развернулся и ушел.

– А он снова не поверил, солдафон противный, – прошипела ему вслед Маринка. – Поехали отсюда к чертовой матери. Надоело мне все.

– Мне тоже надоело, – согласилась я. – Алкогольный Федотов мне совершенно неинтересен. Но в колодце на самом деле может находиться что-нибудь...

Я не успела досказать до конца, как сзади послышались голоса и вновь появился майор Здоренко, но на этот раз не один. С ним шли Федотов и двое оперативников.

Мы с Маринкой переглянулись и без слов поняли друг друга: если майор и не верил нам на все сто процентов, то на какие-нибудь жалкие десять или двадцать процентов он был склонен допустить, что мы не совсем сказочницы. И на этом спасибо.

– Что у тебя здесь? – майор Здоренко подтолкнул Федотова к колодцу.

– Это вообще не мое!

Ответ Федотова прозвучал настолько резко, громко и, я бы сказала, истерично, что даже я, далекая в общем-то от допросов дама, поняла – что-то здесь не то. От чужого так резко не отмежевываются. Именно так понял и майор Здоренко. Ну этот-то оперативный зубр наверняка замечал все, что нужно.

– Не твое, стало быть? – ласково-ласково спросил он Федотова.

– Нет! – Федотов не ограничился простым отрицанием. Он замотал головой и еще, по принципу индийского кинематографа, приложил обе ладони к груди, потом помахал ими перед собой. – Гараж – мой, не отказываюсь. А что здесь – понятия не имею! И нечего вешать на меня все подряд.

– Как интересно заговорил... – Майор Здоренко чуть ли не языком зацокал от восхищения, поглядывая на Федотова почти что с любовью. – Ах как красиво заговорил, дорогой ты мой человек! Ну что ж, посмотрим и без тебя, но имей в виду, дорогой мой, если я там обнаружу что-то любопытное да с твоими отпечатками сверху, я тебе слова эти припомню, так и знай.

– Как хотите, – почти прошептал Федотов.

– Что ты сказал, касатик? – Майор откровенно издевался, потому что явно чувствовалось: в колодце есть что-то настолько значимое, что Федотов аж трясется от страха.

– Я сказал: как хотите, – хрипло повторил Федотов.

– Не как хочу, а так и будет! – похлопал майор Федотова по плечу.

Хлопал он несильно, но от каждого прикосновения Федотов вздрагивал, как пугливый котенок, и съеживался.

– Не твое, говоришь? – словно смакуя, повторил майор Здоренко. – Ну смотри, а то потом захочешь признаться в чем-нибудь, да будет уже поздно. Другие тебя опередят, и получишь за все и за всех...

Майор подождал, но Федотов больше ничего не сказал. Стоял, склонив голову, покусывая губы, и было видно, что человек принял какое-то решение и теперь готов держаться его твердо и до конца.

Здоренко подозвал стоящих рядом оперативников.

– Ну что ж, будем поднимать крышку... – сказал он.

Молодые ребята-оперативники, помудрив над деревянным щитом, закрывавшим колодец, подобрали валяющийся в стороне кривой дрын и поддели им крышку.

– Что-то тяжело идет, – пробормотал один из них. Второй подошел на помощь, и, скрипнув то ли доской, то ли суставами, а может быть и тем, и другим одновременно, они стали сдвигать крышку в сторону.

В это время Маринка потянула меня за рукав.

– Что тебе? – спросила я, оборачиваясь.

– А вот если бы у нас была видеокамера... – начала она свою любимую песенку этого периода, но я не стала слушать – и так было ясно, что она хочет сказать.

Я снова повернулась лицом к колодцу и увидела, что крышка уже сдвинута, но сдвинута как раз в нашу сторону, и поэтому не было ничего видно. Я схватила Маринку за руку и потащила ее в обход, пробиваясь к лучшим зрительским местам этого жизненного театра. Нам пришлось сделать приличный кружок, потому что сперва мы обошли майора, стоящего на краю колодца вместе с Федотовым, потом двух оперативников, потом наткнулись на кучу грязного и ржавого металлолома, притаившегося в кустах.

Пока мы, оберегая каблуки да и все остальное тоже, пробирались мимо кучи утильсырья, оперативники уже достали фонарик и посветили им в глубь колодца.

– Не видно ни хрена, – проговорил один из них и ткнул один раз уже использованным дрынком в темное чрево колодца, словно хотел на ощупь определить его глубину.

Майор Здоренко в этот момент отклонился назад к Федотову и что-то спросил. Федотов отрицательно качнул головой и отскочил на шаг в сторону гаража.

– К-куда?! – рявкнул майор и одним прыжком настиг своего неожиданно прыгучего подопечного. – Что еще за дела?

– Это не мое! – завизжал Федотов. – Не надо!

В ту же секунду случились три происшествия, совершенно несоразмерные по своему значению, но я расскажу о них по порядку.

Во-первых, Маринка споткнулась, сказала «ой» и присела на левую ногу. А может быть, и на правую, сие не важно. А важно то, что, во-вторых, она дернула меня за руку резко вниз, я, не удержавшись, чуть не упала и очень неудачно приложилась коленом о какой-то кирпич. Кто ударялся коленом, тот поймет меня – больно до жути.

Я открыла было рот, чтобы высказать Маринке все, что о ней думаю, раз и навсегда, но тут...

Тут раздался взрыв.

Из колодца вырвался столб дыма и гари. На улице и так было темно, а тут мгновенно стало еще темнее. Я получила такой сильный удар в грудь, что отшатнулась назад, села на землю и придавила Маринке ногу. Маринка заверещала, но, наверное, больше от испуга.

Грохот от взрыва обрушился на меня, и сразу же заложило уши. С разных сторон – должно быть, все же сверху, но казалось, что именно с разных сторон, – посыпались мелкие

камешки, или гвоздики, или не знаю даже что. Я закрыла лицо руками, низко наклонила голову и, наверное, тоже что-то закричала, не помню.

– Маринка! – хотела крикнуть я, но это у меня получилось как-то невнятно, и даже я сама, услышав свой голос, не поняла, что произнесла.

Внезапно настала тишина, но вокруг стусился дым, сквозь который ничего не было видно. Единственной привязкой к реальности оказалась земля, на которой я сидела, и Маринкина нога, дергавшаяся рядом со мной. Я пощупала эту ногу, и она тут же меня лягнула. Вот так всегда! Но по крайней мере стало ясно, что Маринка жива и здорова.

– Это ты? – шепотом спросила она меня. – Или кто?

– Да я, я, – так же шепотом ответила я, опираясь на землю руками и вставая. Тут же я закашлялась, потому что черный дым, заполонивший все вокруг, был еще необычайно едок.

Кто-то закашлялся в стороне, где-то настойчиво и противно пела автомобильная сигнализация, и я, нащупав Маринку, тоже вставшую рядом, потащила сама и потащила ее подальше от этого вонючего места.

Через несколько шагов меня начал душить нестерпимый кашель. Я старалась дышать пореже, но если и становилось легче, то только психологически.

– По... ох-х-х-жди! Кха! Тьфу, ка-кхая гхад-кх-х-х, – хрипела сзади Маринка, но я поняла, что если мы не выберемся из этого тумана, то, как пелось в одной старинной протяжной песне, «никто не узнает, где могилка моя».

А мне еще замуж выходить.

Хотелось бы.

Наверное.

Неожиданно из нависшей вокруг нас гари вынырнула чья-то тень и прорывкала то ли совсем рядом, то ли чуть в стороне – попробуй-ка разберись в этой ситуации:

– Бойкова! Широкова! Живы? Вы живы?

Это был майор Здоренко.

– Д-ха! – прокашляла в ответ Маринка.

– Обе живы? – Майор, кажется, отдалился, а может быть, просто у него подсел голос, во всяком случае, второй вопрос прозвучал немного тише: – Точно обе живы?

– Да точно! Точно! – крикнула в ответ я и закашлялась.

Майор вынырнул теперь уже совсем рядом, кашлянул мне в ухо, сплюнул куда-то вниз и заорал, как истерик в весеннем припадке:

– Марш отсюда к едрене-фене, и как можно быстрее! Одна нога здесь, а другая у меня! Короче, обе вон, к черту, к дьяволу!..

Он подтолкнул нас обеих как раз в том направлении, куда мы и шли, и, затопав, исчез позади.

Ну и зачем было орать? Мы так и так старались побыстрее уйти от этого вонючего места.

Я упорно шла вперед, но недолго. Уже через четыре или пять шагов вонючий темный туман начал рассеиваться и появились первые звуки уже не только от моих шагов и Маринкиного кашля, но и немного впереди.

Глаза жутко щипало, они слезились, и я ничего не видела. Как не упала носом на какую-нибудь ржавую железку – понятия не имею. Просто повезло. Такое бывает в жизни, но со мною нечасто. Обычно мне не везет.

Кто-то подошел ко мне и, взяв за руку, проговорил:

– Осторожно, пожалуйста, здесь кирпич.

Судя по голосу, это был, безусловно, мужчина и уж точно не майор Здоренко. Он бы предупредил по-другому, даже не хочу уточнять как.

От неожиданности я едва снова не упала, но на этот раз меня поддержали и мужчина, и Маринка, которая оказалась вдруг необычайно устойчивой. Она вообще бывает способна на

неординарные поступки при мужчинах. Есть такая способность у этой швабры, а все равно толком ничего не кончается.

– Я держу вас, Ольга Юрьевна, – снова услышала я мужской голос и тут увидела и унюхала, что мы выбрались из дымовой завесы. И сразу все стало легче: и идти, и дышать, и смотреть.

Первым делом я оглянулась на Маринку, потому что она вдруг стала вырываться.

– Пусти, я и сама могу ходить, – с претензией на независимость произнесла она.

И я ее отпустила, конечно. Тем более что срочно нужно было привести себя в порядок. Хотя и ночь уже была на свете, но потекшая тушь даже в темноте никого не может украсить. Я так считаю.

Незнакомый мне парень, одетый в приличный свитер, не отпуская моей руки, протащил меня еще немного дальше от того места, где так некстати взорвался и развонялся колодец, и отпустил.

– С вами все нормально? – спросил он.

– Пока не знаю. – Я расстегнула сумку и вынула платочек. Наизусть подправить недостатки внешности, разумеется, можно, но результаты годятся только для темноты.

Маринка, пофыркав сзади, решила запустить пробный шар.

– Фу, какая гадость творится, – задумчиво произнесла она, добавив зачем-то: – Ты мне всю ногу оттоптала.

Но тут же Маринка перешла к основному вопросу повестки дня. Пардон – позднего вечера.

– А вы кто? Вы из ОБЭПа? – спросила она у молодого человека.

– Уже теплее, – с претензией на загадочность произнес молодой человек и сразу же перестал мне нравиться. Ну что за дешевые замашки? Мы же не в кино, а он вряд ли Брюс Уиллис.

– Да, погода неплохая, – ответила Маринка на его заход. – Так кто вы такой? Может быть, просто прохожий?

– Или проезжий, – проворчала я и оглянулась.

Со стороны колодца слышались приглушенные мужские голоса, вяло матерящиеся и в меру раздраженные.

– Блин, – сказала Маринка, – такое впечатление, что совсем недавно я была в знакомом месте, а сейчас никак не могу сориентироваться. – Где дорога? И вообще, где мы?

– Уже на небе, – серьезно ответил парень, – пожалуйста в регистратуру и вперед по кругам.

– По облакам, вы хотели сказать, – резко среагировала Маринка. – Круги в другом месте. В противоположном.

– Ах да, вы же филологи, книжки читали, – весело рассмеялся парень. – Пойдемте быстрее отсюда, – произнес он, не дожидаясь ответа на свою реплику, – неизвестно, чем все это продолжится. На дороге будет безопаснее.

Я оглянулась. Дым еще не рассеялся и, как я заметила, пока даже не собирался этого делать. И из его клубов слышался раздраженный голос майора Здоренко.

– Ты почему не предупредил, сволочь? – орал он. – Ты что же, думал, я так и поверю, что ты не знал про это дерьмо, твою мать? Да я тебя сейчас посажу в эту яму до завтрашнего вечера и потом посмотрю, на кого ты будешь похож, придурок!

Не говоря больше ничего, мы с Маринкой потащились за парнем. Он шагал уверенно, было заметно, что местность ему хорошо знакома.

Можно говорить, что мы поступили не совсем непродуманно, но взрыв и последовавшая за ним газовая атака были настолько неординарны и неожиданны, что пойти за внезапно повернувшимся Сусаниным мне показалось поступком естественным и нормальным. Не приведет же он нас к новому взрыву, в самом деле. Если, конечно же, он не камикадзе.

Не привел.

Мы вышли на дорогу и увидели левее того места, куда вышли, спокойно стоящие все наши машины. Около них маячил один из оперативников, оставленный, наверное, здесь майором.

Незнакомый парень повернулся к нам.

– Транспорт на месте. Пойдемте к нему.

– Зачем? – спросила я.

– Да, – влезла Маринка, – может быть, там нужна наша помощь! – Она ткнула пальцем назад.

– Все объясню буквально через десяток шагов, – дружелюбно улыбнулся парень, – послушайте меня, пожалуйста.

Мы подошли к машинам.

– У вас ключи от вашего транспорта с собой, Ольга Юрьевна? – спросил парень.

– Да-а, – ответила я, пока не понимая, как должна себя вести, – а что?

Ситуация действительно складывалась странная: сперва взрыв, потом вонь, потом вышел Сусанин из тумана и спрашивает про ключи из кармана.

– Давайте я поведу машину, а то вы в таком состоянии, что, наверное, может получиться не очень хорошо, – сказал парень.

Мы продолжали идти, и, когда приблизились к «Ладе», я достала ключи из сумки, но не передала их сразу нашему сопровождающему. Все происходящее было непонятно, а такое положение мне не нравится. Я остановилась около своей машины, и тут оперативник, оставленный для охраны тылов, кивнул нам и подошел.

– Что там такое произошло? – спросил он.

– Хороший вопрос, – кивнула Маринка, – там уже, может, все погибли, а вы вместо того, чтобы...

Она не успела договорить. Оперативник усмехнулся.

– Мне по радиации приказали оставаться здесь, – сказал он и вопросительно взглянул на парня, пришедшего с нами. – Ваши документы, пожалуйста, – быстро проговорил оперативник.

Я взглянула на Сусанина. Куснув губы, он улыбнулся, зачем-то оглянулся на гаражи и сунул руку в карман брюк. Вынул оттуда удостоверение, развернул его и показал оперативнику.

Лицо оперативника стало серьезнее, он внимательно просмотрел все, что было написано в книжечке, даже попросив наклонить ее слегка вправо, чтобы лучше было видно.

– Все нормально, товарищ капитан, – наконец официальным тоном произнес оперативник. – Извините. Служба.

– Все нормально, братишка, – улыбнулся парень и спрятал удостоверение обратно в карман. После этого повернулся к нам: – Садитесь, девушки, в транспорт, я буду вашим рулевым. По дороге и поговорим.

Ни я, ни Маринка спорить не стали. Нам обоим уже надоели бесплодные поиски сбежавшего трупа, приводящие то к угонщикам, то к взрывам. Действительно, пора домой.

– Где вы живете, Ольга Юрьевна? – спросил парень, когда мы с Маринкой уселись в «Ладу» на заднем сиденье.

Я назвала адрес и тут же решила поставить все точки над «и»:

– Не пришло ли время что-то объяснить?

– А заодно и представиться, – добавила Маринка. – Похоже, что вы о нас знаете кое-что, ну а мы-то о вас совсем ничего. Ни капельки, даже можно сказать. Вы откуда взялись такой, капитан?

– Откуда взялся? – повторил парень Маринкины слова и рассмеялся: – Да все оттуда же, из органов.

– Из каких же? – спросила я.

– Да, пожалуй, наверное, пришло время рассказать подробно об одной операции конторы, – многозначительно произнес парень, закладывая красивый вираж и поворачивая на «новую дорогу», ведущую к моему району. – Ого! – вдруг воскликнул он. – А у вас, Ольга Юрьевна, бензин-то совсем на нуле. Скоро бензонасос уже воздух глотать начнет. Ну, здесь недалеко есть заправка. Может быть, и дотянем.

Мы дотянули. И пока дотягивали, больше ни о чем не говорили. Наверное, наш новый знакомый капитан «из конторы» решил не перебивать свой многообещающий рассказ какой-то там заправкой. А в том, что рассказ должен быть многообещающим, я почему-то не сомневалась.

Пока мы ждали на заправке и смотрели в окошко, как мальчик в форменной кепке и в темно-зеленом комбинезоне заправляет «ладушку», капитан, полуобернувшись, чтобы видеть нас обеих, улыбнулся.

– Ну, давайте знакомиться, девочки. Я – капитан ФСБ Павел Степанович Куликов. Теперь, как говорится, ваше дело – наше дело.

– Коза ностра коза востра ест. Ита доминус, – перевела эту фразу на латынь Маринка, весьма кстати вспомнив свое образование. Я решила не выпендриваться и просто поинтересовалась:

– Если все так обстоит, как вы только что нам объяснили, Павел Степанович, то мы, по приезду, вообще-то собирались принять ванну, а потом лечь спать. Как же теперь нам планировать свой вечерок?

– Ах, ФСБ берется охранять девушек и в ванной, – активно подхватила Маринка, – и в постели... Какой шарман, черт побери! Вы что заканчивали, Паша, если вас нагрузили таким сложным заданием?

– Наверное, курсы массажистов? – шепотом предположила я.

– О, тайский мужской массаж! – Маринка закатила глазки. – Моя хрустальная мечта! Вы это умеете, Па-ша?

– Веселые вы девчонки. – Павел улыбнулся совсем по-доброму. – Но если бы речь шла только о массаже, все было бы по-другому. Но ваше дело – совсем другое.

– А какое наше дело, можно узнать? – уже серьезно спросила я.

– Да вы же сами все знаете, ведь принимали участие в нахождении тайника, так называемого «схрона», оставленного преступниками для проведения террористических актов у нас в городе.

– А что, уже стало ясно, что это «схрон»? – задала классный вопрос Маринка. – Как быстро! Мы даже прочихаться не успели, а вы уже выводы сделали. Ну и молодцы у нас в органах работают!

– Принимаю иронию, – согласился Павел. – Так получилось, что к этому «схрону» мы подходили, условно говоря, с другой стороны, имея информацию по своим каналам. Мы только не знали точное место, но коллеги из МВД не просто нам это место показали, но еще и обеспечили звуковым сигналом, чтобы мы не ошиблись. Среди оперативников из РОВД был один из наших офицеров.

– Работа под прикрытием! – гордо сказала Маринка. – Читали, писали, знаем!

– Никакого прикрытия, – возразил Павел, – мы часто работаем вместе, и сегодня был один из этих случаев. К тому же Федотов нас давно интересовал. Он имеет связи в криминальных структурах, а теперь оказалось, что эти структуры смыкаются с группой торговцев оружием.

– А какая связь между нами и террористами? – спросила Маринка. – Что-то я не врублюсь. Пока поняла только, что с массажем меня кинули. А с террористами мы не знакомы.

– Зато они про вас знают. – Павел сочувственно улыбнулся. – Особенно теперь, когда вы явно засветились в этой операции, можете не беспокоиться.

– Беспокоиться я начала после ваших слов, – заметила я. – Но все равно пока тоже не все поняла.

В это время мальчик в униформе выдернул заправочный пистолет и подошел со стороны водителя, робко подставляя ладонь. С ума сойти: все подбирают модель для своего поведения в фильмах.

– Работай, братишка, и удача улыбнется тебе! – щедро улыбнулся Павел и выехал с заправки.

– Что вы сказали, Ольга Юрьевна? – переспросил, он, ловя мой взгляд в зеркале заднего вида.

– Я не понимаю, что происходит, – четко и, как мне кажется, вполне разумно сказала я. – Зачем вы нас увезли оттуда? Зачем вы везете нас ко мне домой? Я и сама дорогу неплохо помню. Это во-первых. А во-вторых, мне бы еще хотелось кое о чем переговорить с майором Здоренко.

Маринка бросила на меня быстрый взгляд.

– Да, – упрямо повторила я, – нам есть о чем с ним поговорить.

– Коротко говоря, что вам нужно от нас? – Маринка решительно перехватила инициативу. – Пожалуйста, максимально подробно и максимально четко. Вот у вышеназванного майора Здоренко получают очень доходчивые объяснения. Вы с ним знакомы, кстати?

– Виделись на планерках в конторе, – уклончиво ответил Павел. – Значит, требуете объяснений...

– Ну, можно и так сказать, – усмехнулась я, доставая сигарету из сумки и стряхивая с головы и плеч то ли реальную, то ли виртуальную пыль. Я ее чувствовала – и это было для меня главным. – Вся в песке каком-то, – пробормотала я, начиная сама себя стесняться. Бывает такое в нашей жизни, к сожалению. А все Маринка виновата, с ее походом на пляж.

– Вот даже по поводу этого песка... – снова рассмеялся Павел. – Ну, скажите, что вам не хочется попасть в ванну как можно быстрее...

– Это уже было проговорено, – заметила Маринка. – Или вы слушаете только себя?

– Я не только в ванну хочу, – сказала я, – но я хочу еще и описать потом реалии сегодняшнего вечера в статье, а мне кажется, что на это вы можете наложить табу, то есть лапу. Я права?

– Пока вы сами не захотите ничего писать, – продолжал говорить загадками Павел, – этот вечер вам ничего нового не принес, кроме неприятностей. Или вы сами их себе принесли.

– Ну что за киношные намеки? – наконец возмутилась Маринка, чего я от нее давно ожидала. – Нельзя ли покороче и поконкретней, а то развели здесь детектив, как не скажу у кого.

– Можно и конкретней, но тогда это будет не быстро, – согласился Павел. – Вы же наверняка захотите подробностей.

– Всех! – отрезала Маринка.

– Желательно, – более дипломатично сказала я.

– Ну, тогда слушайте, если желательно, – улыбнулся Павел и свернул на дорогу к моему дому.

Глава 7

– Нахождение склада с оружием, точнее, наверное, с боеприпасами, потому что до конца еще не ясно, что там находилось, говорит о чем? – спросил Павел.

– Ой, не надо, а? – возмущенно вскричала Маринка. – Заговорили совсем уж дурацкими загадками, как в первом классе, блин! Дети, а это у нас склад с о-ру... как дальше? Правильно: с оружием, молодцы, детишки! Павел Степанович, мы тут вам не первые встречные, а уже повидавшие кое-что в жизни журналисты. Мы и смерти в глаза не раз смотрели, и описывали потом все это подробно, но скромно, не приукрашивая свои подвиги.

Маринка, затрепетавшая аки лань от незаслуженной обиды, нанесенной такой отважной воительнице, как она, гордо отвернулась лицом к окну, за которым в темном тумане мелькали редкие деревья и старые частные дома, перекошенные от времени. Я с уважением на нее посмотрела. Во дает, подруга! Вот, оказывается, какой зубр журналистики сидит рядом со мной. Эх, доживу ли я когда-нибудь до того момента, чтобы иметь право так же сказать о себе? Вряд ли.

– Ну, ладно, ладно, девушки, не обижайтесь, – добродушно проговорил Павел и, приняв серьезный вид, продолжил: – Наличие склада уже говорит о многом. Например, о группе террористов, которая этот склад подготовила. О целой организации, которая это оружие собрала. То есть существует цепочка поставщиков и прочее. Затем – этот же склад говорит о цели. Взрыв, под который вы попали, был слишком специфический, чтобы предположить, что там лежали только патроны и пистолеты. Нет, как минимум это были гранаты и толовые шашки, а как максимум – спецвзрывчатка. Едкий дым означает, что взрывное устройство было больше рассчитано не на поражение живой силы, а на создание паники в общественном месте. Под прикрытием дымовой завесы планировался прорыв к некоему объекту. Возможно, к хранилищу банка, а может быть – и к ракетной шахте. Я понятно излагаю?

– Для статьи не пойдет. Слишком сложно, – сказала я. – И много предположений, замешанных только на одном факте.

– Тогда я продолжаю, – сказал Павел. – Какова цель этого склада? Ну, это, я думаю, очевидно: террористический акт. Где он должен был произойти – неясно, об этом, возможно, не ведали и сами хранители склада. Второй вопрос: один ли такой склад на территории города или области? Неизвестно.

– Не поняла я что-то, – проворчала Маринка, – если есть склад и организована цепочка доставки и прочее, как вы говорите, то почему же вы тогда утверждаете, что террористический акт должен был быть произведен неизвестно где и что это неизвестно даже самим бандитам?

– Потому что ситуация меняется каждый день и каждый день привносит свои условия. Например: террористы собирались сегодня везти взрывчатку в Москву, а дороги оказались перекрыты, и чтобы не попасться, срочно решили устроить взрыв на местном рынке. Или везли, наоборот, на местный рынок... Ну что может быть? Смутил патруль или пробка на дороге случилась. Так от греха подальше завернули за угол, остановили машину около городской прокуратуры, например, и взорвали там. Ясно?

– Почти, – недовольно пробурчала Маринка и покосилась на меня, молчаливо спрашивая мое мнение обо всем этом.

Я пожала плечами, потому что находилась в таком же положении, что и она.

– Одно несомненно, – продолжал свою лекцию Павел, – акт планировался, и это не может не внушать опасений.

– Тут все ясно, – терпеливо сказала я, сама не знаю как решившись подать голос в обход Маринки, не являясь в отличие от нее зубром журналистики, бизоном репортажа... или что там она о себе мечтает. – Неясно, зачем мы вам нужны, Павел. Что вам от нас нужно, почему

вы так любезно вывели нас с очень интересного места и зачем везете нас ко мне домой. На этот вопрос ответьте, пожалуйста. Прямо сейчас. У вас есть какое-то секретное задание?

– Да, да, – подхватила Маринка, наверное, чтобы не молчать, как дура, а сказать и свое веское слово. Зубр все-таки.

– А дело мое, девушки, и задание заключается в вашей личной безопасности, – браво отвечал Павел. – Вы просто-напросто засветились. И я получил от руководства приказ обеспечивать вашу физическую безопасность.

– Один на двоих? – мягким голосом уточнила Маринка. – Не слишком ли? За двумя зайцами погонишься, как вы, наверное, слышали... одного зайца и поймаешь.

– Слышал, Марина, – ответил Павел, – слышал. Но что поделаешь! Наверное, вам придется некоторое время пожить вместе. Нам придется, – тут же поправился он.

– Вы будете жить вместе с нами? – воскликнула Маринка и еще раз произнесла: – Шарман, черт возьми!

– О какой опасности вы говорите?

Мне перспектива жить неизвестно сколько времени не только с Маринкой, но еще и рядом с совершенно незнакомым парнем вообще не улыбалась. Что ж такое творится, скажите, пожалуйста?! ФСБ вдруг берет и решает за меня, с кем я должна жить... Спасибо еще, что слово «жить» они употребляют в бытовом смысле, а не в...

Я подумала и бросилась в откровенное наступление. Это Маринке шарман, а мне – банзай и хенде хох. Не хочу я их двоих видеть неизвестно сколько дней перед собой. Не хочу!

– Кроме взрыва, еще ничего не произошло, – сказала я. – Да и он – случайность. Не нужно было лезть в воду, не зная броду. Или вы хотите сказать, что взрыв был в нашу честь? Салют, так сказать, с вонючим фейерверком...

– Нет, так я не скажу. Взрыв произошел скорее всего потому, что там было заминировано. Это не факт, но вполне допустимо.

Павел снова поплыл в отвлеченности, и мне предстояло вернуть его к нормальному общению.

– Что значит «не факт»? А почему еще мог случиться взрыв, если не было заминировано? – спросила я.

– Было кое-что. Кое-что похожее на выстрел, но это еще нужно проверить. Одним словом, девчонки, так. Подобные склады, или «схроны», никогда не остаются без присмотра. Всегда где-то рядом или не очень рядом есть человек, который отслеживает обстановку. Почти наверняка так было и в этот раз. Почти сто процентов гарантии, что все присутствующие уже были опознаны, сфотографированы или сняты на видео. В том числе и вы. После того как кто-то и где-то оценит донесение поста охраны склада, будет принято решение по вычислению слабого звена присутствующей оперативной группы. А слабое звено – это вы, что несомненно. Вы, если не сегодня, то завтра, станете для боевиков первой целью охоты. Вот тут-то и понадобится я.

Мы с Маринкой снова переглянулись. Как я заметила, на Маринку слова Павла произвели впечатление, но я по своей нудной редакторской привычке решила докопаться до самой сути и посмотреть, что там остается в сухом остатке.

– Зачем мы нужны боевикам? – спросила я. – Какая, пардон, корысть убивать нас? Вот если бы они наметили майора Здоренко, я бы их поняла. А что такое для террористов журналисты?

– Мсть, – коротко ответил Павел. – Для мести нужно чувство боли. Если вас убьют, то и Здоренко будет больно.

Мы с Маринкой еще раз переглянулись. Теперь уже и на меня слова Павла произвели впечатление. Умеет паренек работать языком, ничего не скажешь.

– Это была твоя идея поехать на пляж, – напомнила я Маринке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.